

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
(РУДН)

На правах рукописи

Полина-Сташевская Анна Леонидовна

**Доказательства и доказывание форм злоупотребления правом
по страховым спорам в гражданском процессе РФ**

Специальность:

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Фролова Евгения Евгеньевна

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1: Правовая природа института злоупотребления правом.....	18
1.1 Понятие института злоупотребления правом.....	18
1.2. Формы злоупотребления правом	36
1.3. Правовое регулирование пределов осуществления гражданских прав	53
Глава 2: Общая характеристика отдельных средств доказывания в страховых спорах, связанных со злоупотреблением правом	58
2.1. Относимость и допустимость доказательств.....	58
2.2. Оценка доказательств	69
2.3. Особенности использования отдельных средств доказывания	75
Глава 3: Особенности доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах.....	855
3.1. Понятие и цели доказывания.....	85
3.2. Предмет доказывания	91
3.3. Влияние принципа наивысшей добросовестности на процесс доказывания в страховых спорах	99
Заключение	112
Список литературы	115

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

Складывающаяся в последние годы судебная практика доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах весьма противоречива. Недостаточная научная проработанность стандартов доказывания и используемых процессуальных инструментах повлекла разные подходы в установлении перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, механизмов доказывания и сформировала разный правоприменительный подход в страховых спорах. В основе такой ситуации лежат проблемы несовершенства терминологического характера норм, регулирующих правоотношения в области страхования, множественность форм злоупотребления правом недобросовестными страхователями, низкий уровень профессионализма представителей страховщика при защите его интересов в суде.

Страхование, являясь социально-значимой услугой, приобрело особое значение в экономике страны с выполнением охранительной функции. Так, по итогам 2021 года объем российского страхового рынка преодолел отметку в 1,8 трлн рублей. Темпы прироста составили 17,5 % , в абсолютном выражении рынок вырос на 270 млрд. рублей по сравнению с 2020 годом.

При этом, введенные в 2022 году крупнейшие в истории санкции в различных сферах экономики России создают новые вызовы для всех субъектов страховых правоотношений. Макроэкономическая и геополитическая ситуации, проблемы в логистике, дефицит запчастей для транспортных средств, потребуют времени на адаптацию к новым условиям и могут также спровоцировать рост разных форм злоупотребления в страховых правоотношениях. «Страховой рынок во всем мире переживает экономические кризисы с некоторым запозданием, свойственным этому бизнесу из-за того, что страховые выплаты отложены во времени», — объяснил президент Всероссийского союза страховщиков Игорь Юргенс.

Статистика судебных споров, опубликованная Верховным судом РФ на его официальном сайте <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>, свидетельствует о значительной нагрузке судов общей юрисдикции по страховым спорам (2020 год: поступило 127 106 дел по имущественным видам страхования и 3 042 дел по личным видам страхования, 2021 год: поступило 104 663 дела по имущественным видам страхования и 3550 дел по личным видам страхования). Анализ судебных актов подтверждает вывод о том, что тезис о злоупотреблении правом все чаще используется сторонами страхового правоотношения, как средство для противодействия страховому мошенничеству и установлению истинных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу.

Таковыми учеными-цивиристами как И.А. Покровский, М.М. Агарков, В.П. Грибанов, Н.С. Малеин, А.А. Малиновский, Г.А. Емельянов, О.Н. Зайцева, О.А. Поротикова, Архипова А.Г., С.Д. Радченко, Т.С. Яценко, О.Н. Бармина и др. проведены многочисленные исследования для установления сущности, правовой природы, признаков злоупотребления правом с формулировкой предложений по доработке его легальной дефиниции в российском законодательстве, однако необходимо констатировать, что выработана единая концепция, исключившая дискуссионность терминологического характера, до сих пор невозможно. В объеме настоящего исследования подчеркнут особый оценочный характер указанной дефиниции, влекущий безусловный элемент субъективности даже на стадии самого исследования этого правового явления. Отглагольное существительное «злоупотребление» в сочетании с термином «право» образует союз в образе межотраслевой дефиниции, требующей применения познаний в разных отраслях права.

«Реальное использование» института злоупотребления правом происходит на этапе судебного разбирательства. Именно в этой стадии защиты нарушенного или оспоренного права значение указанного института приобретает наивысшее практическое выражение. Мотивировочная часть

решений судов за период 2020- 2022 гг. значительно чаще стала содержать выводы на базе положений статьи 10 Гражданского Кодекса РФ в сопоставлении с предшествующим периодом. Согласно данным официальных сайтов судов и картотекам дел, наблюдается увеличение количества судебных процессов, осложнённых элементами страхового мошенничества. Ежегодные конференции, организуемые Всероссийским союзом страховщиков «Барьер-2021. Организация противодействия страховому мошенничеству. Новые виды страхования, перспективные технологии и эффективные методы борьбы» очень остро обозначают проблемы правового регулирования злоупотребления правом в страховании, постоянной адаптации новых форм злоупотребления и сложностей в их противодействии.

Неопределенность предмета доказывания по таким категориям дел и отсутствие стандарта доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах представляют собой наиболее актуальную проблему для научного исследования.

Анализ судебных актов также показывает, что отсутствие единообразия основано на проблемах доказательственного значения в симбиозе с проблемами единообразного толкования термина «заведомость» в страховом правоотношении в соотношении со значением дефиниции злоупотребление правом. Предопределяющим является вопрос о том, является ли умысел, заведомость обязательным признаком злоупотребления правом. Судами зачастую формируются выводы о недоказанности факта злоупотребления правом со ссылкой на непредставление приговора суда, определяющего «заведомость» страхователя, что, по мнению автора, является неверным и нарушает идеологию института злоупотребления правом, расширяет предмет доказывания и вводит неотносимые доказательства, подменяя категории гражданско-правового и уголовно-правового характера. Следуя позиции классической теории толкования злоупотребления правом, предложенной В.П. Грибановым, основываясь на представлении формы злоупотребления в виде правонарушения можно было бы согласиться с выводом судов о том, что

единственным относимым и допустимым доказательством факта злоупотребления правом со стороны страхователя может выступать только приговор суда, ограничившись преюдициальностью выводов по установленным фактам. Такая концепция не способствует балансу в правоотношениях сторон в условиях современного развития общества. Следуя логике законодателя, в таком случае можно было бы использовать положения ч.1 ст.963 ГК РФ, предусматривающей освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя. Обозначенная практическая актуальность исследования проблем доказывания, как главного элемента любого процессуального права, обусловлена также тем, что несмотря на введение Федеральным законом от 29 декабря 2012 № 207-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 159.5 «Мошенничество в сфере страхования» и принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 29.06.2021) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате", раскрываемость уголовных дел по страховому мошенничеству не увеличилась, а страховое сообщество приводит статистические данные по количеству обращений в органы с заявлениями о возбуждении уголовных дел по ст.159.5 УК РФ.

Актуальность исследования доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах обусловлена и с теоретической точки зрения. Цифровизация экономики и права, увеличение количества страховых споров, осложненных элементами мошеннических действий, обозначили потребность в изучении предмета доказывания по таким спорам. Возросшая регулярность включения в Обзоры судебной практики Верховного суда РФ решений по страховым спорам подчеркнули проблему относимости и допустимости доказательств, средств доказывания, распределения бремени доказывания в страховых спорах с формами злоупотребления правом.

Особый оценочный характер правовой дефиниции «злоупотребление правом» с закреплением ее содержания в статье 10 Гражданского Кодекса РФ

«Пределы осуществления гражданских прав», исходит из целей законодателя по предоставлению правомочий и свободы в интерпретации и правоприменении на базе частных, конкретных обстоятельств, но порождает сложности в установлении объективной истины.

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что она носит характер комплексного исследования, в котором наряду с анализом правовой природы и форм злоупотребления правом в гражданском праве в целом и в страховых правоотношениях, в частности, исследуется механизм доказывания злоупотребления правом в гражданском процессе РФ по страховым спорам, раскрываются через призму толкования судами особенности доказывания в объеме рассматриваемой темы.

Научные труды ученых-цивилистов и процессуалистов по вопросам, посвященным институту злоупотребления правом, а также доказыванию, сформировали платформу для определения области исследования по выбранной тематике. Особый статус злоупотребления правом, как общеправовой категории, предполагает многоаспектность при проведении исследования и обосновывает новизну в комплексности проводимого исследования, что имеет существенное значение, так как обстоятельства, подлежащие доказыванию, вытекают из диспозиции нормы материального права.

Степень научной разработанности темы. Процессуальная доктрина уделяла должное внимание вопросам исследования доказывания в гражданском процессе в целом, рассматривая проблемы необходимых доказательств, определения предмета доказывания и иным аспектам доказательственного права. К.С. Юдельсон, выступая основоположником науки гражданского процесса представлял процесс доказывания в виде деятельности по установлению предусмотренных законом процессуальных инструментов и способов объективной истины. А.Ф. Клейнман придерживался теории убеждения суда в отношении юридических фактов. Условно можно сгруппировать мнения ученых-процессуалистов в две группы,

в одной из которых (Клейнман А.Ф., М.А. Гурвич, Н.А. Чечина) понимали доказывание как процессуальную деятельность сторон, интерпретируемом как узкое понимание, и во второй группе – включали и определяли суд в качестве участника процесса доказывания (К.С. Юдельсон, П.П. Гуреев). Особый вклад в развитие научных исследований внесли такие ученые, как И.В. Решетникова, Е.П. Русакова. Для настоящего исследования важным представляется отметить диссертационные работы М.А. Боловнева «Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами», В.А. Черепанова «Доказательства и доказывание в гражданском процессе Гонконга, Сингапура и Малайзии».

С учетом комплексного характера исследования научную основу работы составляют труды ученых-цивилистов, изучавших феномен злоупотребления правом (И.А. Покровский, М.М. Агарков, М.И. Бару, В.П. Грибанов, Н.С. Малеин, В.И. Емельянов, А.А. Малиновский, С.Д. Радченко. О.А. Поротикова, Архипова А.Г. и др.). Диссертационное исследование Барминой О.Н., представляет серьезный вклад в изучение этого правового института, содержит глубокий анализ форм, структуры, причин злоупотребления правом в объеме теоретико-правового анализа. Особый интерес в работе представляет попытка разработки средств противодействия злоупотреблению правом и формулировка сущностного значения указанного явления в виде определенного злостного поведения лица (управомоченного), которое посягает на принципы правового регулирования.

Однако комплексное изучение проблем доказательств и доказывания форм злоупотреблением правом в страховых спорах в гражданском процессе РФ на уровне научного исследования отсутствует.

Принятие в 2020 году Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020) обозначило вектор в систематизации страхового законодательства в

юридико-техническом смысле, как указывает Архипова А.Г. и, на мой взгляд, заострило внимание на возможности законодательной превентивности в реализации злоупотреблений при страховании (на базе редакции ст.944 ГК РФ).

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе доказывания форм злоупотребления правом по страховым спорам в гражданском процессе РФ.

Предметом исследования являются нормативные акты, регулирующие отношения, связанные с представлением отдельных средств доказывания и процессом доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах, решения судебных органов, а также выдвинутые в юридической литературе концепции и толкования российских и зарубежных ученых в данной области.

Целью диссертационного исследования явились разработка теоретических положений по стандартам доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах в гражданском процессе РФ в целях унификации и единообразия в правоприменительной практике.

Указанная цель обусловила постановку и необходимость решения следующих **задач**:

- определить признаки, раскрывающие сущность злоупотребления правом в страховых правоотношениях, проанализировать толкование правоприменителя данной категории, сформулировать авторское понятие «злоупотребления правом в страховых правоотношениях», произвести классификацию форм злоупотребления правом;
- исследовать модель правового регулирования пределов осуществления гражданских прав в страховых правоотношениях и разработать предложения по совершенствованию регулирования;

- изучить средства доказывания злоупотребления правом в страховом праве через раскрытие относимости и допустимости доказательств, определения предмета доказывания, установить особенности оценки доказательств;
- на основе анализа судебной практики сформулировать стандарты доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах с использованием отдельных средств доказывания;
- сформулировать предложения в целях совершенствования правового регулирования страховых правоотношений в качестве превентивных мер противодействия злоупотреблению правом на всех стадиях возникновения и исполнения договора страхования;
- раскрыть влияние принципа наивысшей добросовестности на процесс доказывания в страховых спорах.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные формально-логические методы познания, такие как анализ (анализ положений законодательства, судебной практики, локальных актов), синтез (при формулировании выводов и заключения), общенаучный исторический метод (при исследовании исторической эволюции законодательства), а также частно-правовые методы: сравнительно-правовой метод (при сравнении процесса доказывания в России и иных правовых порядках) и другие.

Теоретической основой исследования выступают научные труды ученых цивилистов и процессуалистов: И.А. Покровского, М.М. Агаркова, А.Б. Венгерова, В.П. Грибанова, А.В. Волкова, В.И. Емельянова, Малейна, А.А. Малиновского, О.Н. Барминой, С.Д. Радченко, О.А. Поротиковой, А.Г. Архиповой, К.С. Юдельсона, М.А. Гурвича, Н.А. Чечиной, Е.Е. Фроловой, И.В. Решетниковой, Е.П. Русаковой, М.А. Боловнева, В.А. Черепанова и др.

Нормативную основу исследования составляют международно-правовые акты, регламентирующие институт злоупотребления правом, Конституция Российской Федерации, Гражданский Кодекс РФ, Гражданский процессуальный Кодекс РФ и действующее законодательство РФ, применяемое в данной сфере.

Эмпирической базой исследования послужили судебные акты Верховного Суда РФ, судебные акты судов общей юрисдикции по конкретным делам, Обзоры судебной практики, результаты официальной статистики Верховного Суда РФ, а также материалы со специализированных сайтов страховых сообществ, а также судебные решения с личным участием автора в качестве представителя страховщика по страховым спорам с доказанным фактом злоупотребления правом со стороны страхователя.

Научная новизна исследования состоит в том, что в данной диссертационной работе впервые предпринята попытка разработки и формулировки стандарта доказывания злоупотребления правом по страховым спорам.

На защиту диссертантом выносятся следующие основные положения, отражающие научную новизну проведенного исследования:

- 1) Установлено, что в условиях экономических санкций в отношении России произошел рост фактов злоупотреблений правом (вынужденный аспект), чему в значительной степени способствует особый диспозитивный характер гражданско-правовых отношений, в основу которого положен принцип «разрешено все, что не запрещено». Однако для осуществления страховых правоотношений важна их реализация на основе модели наивысшей добросовестности и установления пределов их осуществления. Таким образом, для страховых правоотношений злоупотребление правом выступает серьезным правовым инструментом, позволяющим в условиях несовершенства актуального правового регулирования и потребности реализации Концепции реформирования главы 48 ГК РФ выступать в качестве специальной нормы права для баланса прав и законных интересов страхователя и страховщика.
- 2) Доказано, что отечественный законодатель необоснованно унифицирует категории недобросовестности и злоупотребление правом, включая в последнюю явление шиканы и обхода закона:

недобросовестность выступает лишь признаком, отражающим характер действия, однако, не имеющей возможности полностью отразить специфику явлений: злоупотребление правом – выход за пределы субъективных прав, недопустимая – незаконная – форма осуществления таких прав; шикана – умышленное причинение вреда, вред как цель; обход закона – достижение иной незаконной цели путем нарушения закона, нарушение и вред – как способ.

- 3) Сформулировано авторское определение понятия «форма злоупотребления правом», под которой подразумеваются различные варианты проявления и внешнего воплощения действий, внутренняя структура и определенный порядок реализации уполномоченным субъектом своего субъективного права.

Выявлены формы злоупотребления и в зависимости от цели злоупотребление правом предлагается подразделить на следующие формы: а) злоупотребление правом с единственным намерением, т.е. с исключительной целью причинить вред другому лицу (шикана); б) злоупотребление правом с целью обогащения, т.е. с целью получения материальной выгоды; в) злоупотребление правом с целью уклонения от выполнения своих обязанностей; г) злоупотребление правом с целью воспрепятствования, блокировки реализации субъективных прав кредиторов на их защиту и восстановление, а также на судебном этапе взаимоотношений страховщика и страхователя к формам злоупотребления правом относятся: дробление исковых требований на ряд исков, представление фальсифицированных доказательств (договоры страхования, дефектовки, заказ-наряды, пр.), заявление отказа от цессии и отказа от иска, переуступка права требования к страховщику задним числом, создание искусственной подсудности путем представления временной регистрации потребителя, полученной лишь с целью изменения подсудности, «независимая»

экспертиза от партнеров автоюрисстов, взаимодействие массовых автоюрисстов с судебными экспертами.

- 4) Установлено, что выбор квалификации действий лица в виде злоупотребления правом или правонарушения указывает на междисциплинарный характер дефиниции. Так, использование властных функций и должностных полномочий как должностным лицом, равно как и другими лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации, в корыстных целях является преступлением и представляет собой форму злоупотребления в праве, в качестве примера можно привести любой страховой спор, в котором доказывание факта злоупотребления правом производилось страховщиком с использованием одного из средств доказывания (письменного доказательства), а именно, постановления о возбуждении уголовного дела, а в последующем лицо, допустившее злоупотребление правом, признано виновным в совершении преступления по этому же факту, и вынесен обвинительный приговор.
- 5) При анализе таких важных свойств доказательств как допустимость и относимость было установлено, что в страховых спорах, возникших из правоотношений по обязательному страхованию автогражданской ответственности, в случае если потерпевшим нарушены требования Федерального Закона РФ от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 01.04.2022) "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" в части представления страховщику транспортного средства на осмотр с указанием на его нетранспортабельность и одновременной эксплуатацией транспортного средства, такое доказательство, как заключение эксперта, признается судами недопустимым доказательством. Такие действия потерпевшего подлежат квалификации в качестве злоупотребления правом, а от страховщика требуют использования

стандарта доказывания такого злоупотребления. Элементами стандарта доказывания будут выступать: представление отзыва на исковое заявление с изложением хронологии фактов и действий сторон применительно к требованиям ФЗ РФ №40-ФЗ «Об ОСАГО», представление доказательств организации осмотра транспортного средства и уклонение или непредставление транспортного средства на осмотр. В указанной части к доказательству факта уклонения будут предъявляться требования по его оформлению и фотофиксации прибытия страховщика в указанное место с привязкой геолокации или иной привязкой к местности и фиксации времени, оформление акта с рекомендацией о включении в акт свидетелей в целях последующего допроса. Проблемным с точки зрения доказывания выступает ограниченные возможности страховщика в части получения доказательств последующего передвижения транспортного средства. Такими средствами доказывания могут выступать материалы фотофиксации по системе «Поток», штрафы.

- б) Показано, что предмет доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах предопределяет последующую оценку доказательств. Использование методики доказывания обстоятельств в их хронологической последовательности возникновения способствует формированию устойчивого внутреннего убеждения судьи явного злоупотребления правом. Так, судебная практика свидетельствует о том, что правила оценки доказательств в страховых спорах по злоупотреблению правом достаточно жесткие по отношению к специальному субъекту - страховщику, что мешает установлению объективной истины и вынесению законного судебного акта, ввиду устоявшегося подхода «слабой стороны» в отношении страхователей и превышении пределов данными лицами предоставленного права на судебную защиту.

- 7) Выявлено, что для страховых споров характерен свой «набор» средств доказывания. Наибольшую составляющую в системе средств доказывания занимают заключения экспертов, составленные как на этапе урегулирования убытков, так и на этапе рассмотрения обращений к финансовому омбудсмену и на судебной стадии. Однако, такое доказательство как заключение специалиста, используемое страховщиком для доказывания форм злоупотребления правом, ГПК РФ не относит к средствам доказывания, и суды отражают эти выводы в решениях. Однако данный подход требует корректировки и необходимости их включения в перечень доказательств, так как в процессе разрешения страховых споров суды приобщают заключение специалиста к материалам дела, дают его оценку, получают консультацию, которая, безусловно, влияет на внутреннее убеждение судьи и последующую оценку.
- 8) В результате сравнительно-правового анализа установлено, что действующее процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит стандартов доказывания, в отличие от английского и американского права, предусматривающих критерий, согласно которому судья выносит решение, обусловленное балансом простой вероятности. Отсутствие такой регламентации порождает некую правовую неопределенность и возвышает субъективную оценку над поиском объективной истины. Страховые споры, вытекающие из алеаторного обязательства, всегда затрагивают вопросы добросовестности и злоупотребления правом, предопределяя уникальность методик доказывания ввиду наличия у указанных институтов оценочной правовой природы. Внедрение онлайн-технологий, изменившее процесс заключения договора, идентификацию клиентов, с одной стороны, повысило доступность страхования, с другой, – создало предпосылки для использования цифровых новшеств недобросовестными страхователями.

- 9) Сформулировано авторское определение понятия механизма доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах, под которым можно понимать сложную цепочку юридически значимых процессуальных действий лиц, участвующих в деле (выбор формы разрешения спора, подача соответствующего заявления, иска, реализация всех процессуальных прав и выполнение обязанностей, включая заявление ходатайства о назначении судебной экспертизы (психологическая трасология, определения стоимости объекта страхования на момент заключения договора страхования и установления его характеристик), подачу встречного иска о признании недействительным или незаключенным) и другие, а также действия и решения суда по исследованию и оценке доказательств и принятие решений.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для совершенствования правового регулирования страховых правоотношений на стадии возникновения и исполнения договора, а также при защите нарушенного права в гражданском процессе в случае наличия факта злоупотребления правом в страховом споре; в целях унификации стандартов доказывания по спорам указанной категории; при преподавании дисциплин «Гражданский процесс» и «Страховое право».

Апробация полученных результатов исследования осуществлена опубликованием положений, выносимых на защиту, а также в научных трудах, включая издания, рекомендуемые Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Основные тезисы диссертации докладывались на научно-практических конференциях (Международная научно-практическая конференция памяти д.ю.н. проф. В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», конференции «Барьер-2020, Барьер-2021. Организация противодействия страховому мошенничеству. Новые виды

страхования, перспективные технологии и эффективные методы борьбы»). Результаты исследования использовались автором в значительной личной практической деятельности по судебным процессам, осложненным элементами злоупотреблений правом страхователями, до уровня Верховного суда РФ.

Глава 1: Правовая природа института злоупотребления правом

1.1 Понятие института злоупотребления правом

Институт злоупотребления правом выступает одним из наиболее востребованных в доктрине гражданского права, а также на правоприменительном уровне. Эволюция цивилистической мысли, динамичность развития экономических отношений, отсутствие возможности разработать и закрепить все правила поведения сторон современного гражданского оборота, все это способствовало повышению интереса в исследовании данного правового феномена.

Стремительность развития цифровых технологий, а также новых типов и форм правоотношений сторон требуют большей правовой регламентации, однако, распространение тотального правового регулирования невозможно и нереализуемо, а некоторые ученые полагают, что в этом отсутствует какая-либо необходимость.

Многоаспектная сущность института злоупотребления правом позволяет выступать «правовой заплаткой» для неурегулированных нормами права отношений сторон, но одновременно обозначает вопрос в механизме доказывания, который наряду с материально-правовой категорией является «приводящим в жизнь рычагом» для данного института.

Институт злоупотребления правом - не только элемент теоретической цивилистики, он имеет особое прикладное значение в гражданском праве, в связи с чем перед доктриной также стоит задача постоянного анализа судебных актов с фокусом на предмет формулируемых правоприменителем толкований его сущностных характеристик с целью доработки нормативного инструментария, разработки новых концепций правового регулирования. Теоретические изыскания ученых (И.А. Покровского, М.М. Агаркова, Н.С. Малеина, В.И. Емельянова, А.А. Малиновского, С.Д. Радченко, О.А. Поротиковой, А.Г. Архиповой и др.) о сущности злоупотребления правом

внесли колоссальный вклад в развитие теории злоупотребления правом, сформулированной В. П. Грибановым и нормативно закрепленной в ст. 17 Конституции РФ, статьях 1, 10 ГК РФ.

Новые реалии в условиях экономических санкций в отношении России одновременно играют роль катализатора возможного увеличения роста фактов злоупотреблений правом (вынужденный аспект) и формируют условия для дальнейшего изучения и доработки указанного института доктриной в целях совершенствования правового регулирования и повышения его превентивной функции. Особый диспозитивный характер гражданско-правовых отношений, в основу которого положен принцип «разрешено все, что не запрещено», не может существовать без модели добросовестности и пределов осуществления гражданских прав. Для определенных видов гражданско-правовых отношений, таких, как страховые правоотношения, это особенно актуально на текущем этапе.

Для раскрытия сущности изучаемого института права считаю необходимым разобрать значение термина «злоупотребление».

В толковом словаре С. И. Ожегова¹ можно встретить следующее значение термина злоупотребление - это проступок, состоящий в незаконном (преступном) использовании своих прав, возможностей. Словарь Д. Н. Ушакова² содержит понятие злоупотребления как проступок, преступление, состоящее в сознательном, незаконном и корыстном использовании своих возможностей и прав во вред другим. С учетом вышеизложенных лексических значений слова «злоупотребление» возможно было бы предположить, что указанный термин относится к категории такой отрасли права, как уголовное.

Однако в философском словаре (Конт-Спонвиль³) под злоупотреблением понимается своего рода законная (или кажущаяся законной) несправедливость. Допустить злоупотребление означает не столько

---

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 57 000 слов / С.И. Ожегов; Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С 456.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. С. 156;

³ Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна; Палимпсест, 2012. 750 с.

нарушить закон, сколько ненадлежащим образом его применить. В этом смысле термин противоположен справедливости.

В иностранных словарях термин «злоупотребление» закреплен следующим образом: «abuse» - to use something for the wrong purpose in a way that is harmful or morally wrong (использовать что-то не по назначению, вредным или морально неправильным образом); «Mißbrauchen» - (vorsätzlich) falsch, der eigentlichen Bestimmung o. Ä. zuwiderlaufend gebrauchen; in unredlicher, unerlaubter Weise [für eigennützige Zwecke] gebrauchen, benutzen ((намеренно) неправильно, фактическая цель или тому подобное; использовать вопреки; использовать нечестным, незаконным образом [в корыстных целях]).

Таким образом, под «злоупотреблением» в его широком лексическом значении понимается недобросовестное поведение, использование вопреки цели, безнравственное поведение, которое способно причинить вред.

С учетом мировоззрения, уровня правовой культуры, нравственности, статуса, развития гражданского общества, состояния экономики, эпохи, страны, то или иное поведение может признаваться злоупотреблением или нет.

Осуществляя юридический анализ того или иного правового института, представляется необходимым четкое разграничение значения исследуемого явления с позиции классической юриспруденции. Иными словами, попытка формулирования наиболее исчерпывающей и полной по отношению к проблемной конструкции частного права, в настоящем случае – злоупотребление правом – не может признаваться успешной без обращения к опыту научного осмысления представителями мировой юриспруденции с целью истинного выявления юридической природы. Обратимся к представителям дореволюционной классики.

И. А. Покровский исследовал природу злоупотребления правом, не формулируя какой-либо отдельной дефиниции⁴. Он полагал, что запрещаться

---

⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. С.100

должно только такое поведение, которые имеет свои намерением причинить вред другому лицу, деликт – запрещено то, что имеет своим умыслом (целью) нанести вред другому лицу, то есть в его концепции злоупотребление правом унифицируется с термином «шикана». Такое толкование института имеет прототип немецкого правопорядка (параграф 226 Германского гражданского уложения).

Подобную логику рассуждений можно обнаружить в трудах М. М. Агаркова⁵, который разделяет более категоричную позицию, суть которой заключается в недопустимости употребления термина «злоупотребление правом» вообще. М. М. Агарков полагал, что И. А. Покровский описал шикану через призму нарушения права, следовательно, если шикана, равная по своему смыслу злоупотреблению правом, означает нарушение действующей нормы, то как можно злоупотребить тем, что уже нарушено? Делается вывод о бессмысленности самого термина «злоупотребление правом».

Стоит отметить, что подобные взгляды известны континентальной правовой семье и в романских правопорядках. Так, М. Пляниоль⁶ – один из авторов французского учебного курса гражданского права – отмечал, что если право наличествует у субъекта, то такой субъект может его осуществить без всяких на то помех, следовательно, сочетание «злоупотребление правом» выглядит не более чем тавтологией.

С подобными мыслями трудно не согласиться, ставя во главу рассуждений основную ценность частного права: субъективное право – т.е. индивидуализированное воплощение легального – т.е. допускаемого законодателем и правопорядком - эквивалента правомочий, принадлежащих определенному индивидууму⁷. Индивидуум, если он представляет из себя носителя определенных, отличающихся от иных, субъективных прав, реализуя названные права воплощает на практике свой интерес – следовательно, каким

---

⁵ Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отд. экономики и права. 1946. N 6. С. 426;

⁶ Malaurie Ph. Antologie de la juridique. 2. Paris, 2001. P. 236.

⁷ Третьяков С.В. Субъективное частное право и "юриспруденция понятий": кульминация и кризис волевой теории субъективного права // Вестник гражданского права. 2020. N 3. С. 9 – 42;

образом можно «злоупотребить», если просто материализуется собственный интерес? Однако цивилистическая дискуссия по данному вопросу не выработала какого-либо единого подхода.

В. П. Грибанов выступил с критикой позиции М. М. Агаркова⁸. Согласно его мнению, последний допускает концептуальную ошибку в том, что он рассматривает категорию злоупотребления вне сферы действия субъективных прав – основного института частного права. В. П. Грибанов указывает, что все категории необходимо рассматривать через призму действия субъективных прав – т.е. явление функционирует только потому, что субъект реализует принадлежащее ему право. Исходя из этого, злоупотребление рассматривается М. М. Агарковым вне сферы действия субъективных прав («шикана» в смысле нарушение нормы права обесценивает значение злоупотребления правом: как можно злоупотребить тем, что уже нарушено? Очевидно, что никак), в то время как В. П. Грибанов рассматривает злоупотребление в качестве продолжения сферы действия субъективных прав – субъект права реализует свое право, однако, использует же при этом такой способ реализации, который запрещен законом. Иными словами, злоупотребление правом, согласно В. П. Грибанову, представляет из себя реализацию собственных субъективных прав методами, явным образом нарушающими действующие нормы.

Налицо складывается два подхода: полное отрицание самостоятельного значения категории «злоупотребление правом» и унификация близкой к злоупотреблению категории «шикана» с деликтом; определение злоупотребления правом с позиций недопустимого осуществления собственных субъективных прав. Заслуживает особого внимания утверждение С.Г. Зайцевой, что полисемия рассматриваемого института влияет на сам подход к его изучению.

Серьезный вклад в фундаментальное изучение смыслового содержания, признаков и функций злоупотребления правом внес Малиновский А.А.,

---

⁸ Грибанов В.П. Правовая природа и социальное назначение принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 46.

рассмотрев это явление в контексте его исторического формирования, сравнении механизма правового регулирования злоупотребления правом в нашей стране и на международном уровне, исследовании пределов осуществления гражданских прав.

В своих трудах Малиновский А.А. базируется на выводе о создании римскими юристами прототипа некоего правила о недопустимости (недозволенности) злонамеренного использования правомочий, сопряженного с причинением вреда (шикана). Злоупотребление правом он рассматривает в качестве формы реализации права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений.

Выявив точки зрения представителей первого подхода в определении юридической природы исследуемой категории «злоупотребления правом», следует их несколько обобщить. Основной тезис, на котором основывают свои воззрения указанные представители, можно выразить следующим образом: злоупотребление представляет из себя объективный выход за пределы абсолютного права, санкционированного правопорядком – субъективного права; существование волевого акта вне сферы собственного юридического господства (субъективное право) обуславливает трактовку любого действия, направленного на нарушение действующих норм, в качестве деликта, следовательно, юридическая природа злоупотребления правом унифицируется с категориями деликтного права. Более точным выражением злоупотребления правом, согласно описываемому подходу, становится явление, именуемое в немецком и французском правопорядках «шикана» - умышленное нарушение права с целью причинения вреда. Из определения следует, что шикана представляет из себя разновидность деликта (наличие умысла – отличительный признак), также находится вне сферы действия субъективных прав. Заключительным аргументом представителей первого подхода можно считать следующее положение вещей: лицо зачастую может не осознавать выход за пределы собственных субъективных прав; он может

совершать волевые акты (действия), которые, однако, будут нарушать действующее законодательство – если бы категория злоупотребление правом имела бы собственное значение, то любое нарушение (которое являлось бы выходом за пределы собственного субъективного права) имело бы значение злоупотребления правом, которое зачастую не различает сам субъект права; в таких случаях на судью ложилась бы дополнительная нагрузка на определение выхода за пределы субъективного права – т.е. лицо несло бы ответственность не за нарушение права (которое и есть на самом деле), а за выход за собственные пределы субъективных прав, следовательно, суд занимался бы не правоприменением, а, по сути, толкованием границ и пределов реализации субъективных прав носителю данных прав. Последнее стало основным аргументом, согласно которому отвергается теория злоупотребления правами в качестве самостоятельной.

Обратимся к иному подходу – подходу, признающему самостоятельное значение категории злоупотребления правом. Аргументация, на которой представители второго подхода базируются собственные воззрения, представляет из себя теорию социальной реальности, разработанную французским ученым Леоном Дюги в начале XX века⁹, согласно которой на первый план выступает не санкционированное обществом и легализованное государством благо (позитивисты), а социальная обязанность – некий социальный долг субъекта перед обществом. Аргументацией «за» существование отдельной категорией злоупотребления правом, получившей свою разработку в трудах Э. Дюркгейма¹⁰ и О. Конта¹¹, становится тезис, что субъективные права, дарованные их носителю, не представляют абсолютную категорию: это не абсолютное благо, а лишь пропорциональное оценивание со стороны общества затраченных и реализованных социальных обязанностей –

---

⁹ Duguit L. L'Etat, le droit objectif et la loi positive. P.: Thorin et fils, 1901. P. 34; Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / Пер. с фр. М.М. Сиверс; Под ред. А.Г. Гойхбарга. М., 1919. С. 82;

¹⁰ Durkheim E. De la division du travail. P., 1893.

¹¹ Конт Огюст. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении). Ростов-на-Дону, 2003. С. 67.

т.е. у кого больший объем субъективных прав (например, льготы), тот имеет больше объективных заслуг перед самим обществом. Представители данного подхода – не поддержанного основной массой цивилистов – определяли, что если действия субъекта права не соответствуют общеизвестным социальным целям, то подобное поведение следует именовать злоупотреблением. По сути, представители данного подхода также нарушение права (деликт) именуют злоупотреблением, как и представители первого подхода, не нивелируя границы субъективных прав в качестве предела, выход за который и обозначал бы злоупотребление правом (как придерживались представители первого подхода). Необходимо отметить, что аргументация данного подхода не пользовалась большой популярностью у юристов вообще.

В. П. Грибанов¹² совершенно справедливо обозначил основную проблему категории «злоупотребление правом»: в зависимости от выделения данной категории вне или в сфере субъективных прав, в зависимости от этого и будет конечный ответ. Согласно его мнению, необходимо разграничивать наделение субъективными правами (содержание) и возможность их реализации самим носителем данных прав (форма). По мнению указанного ученого злоупотребление правом представляет из себя недопустимое – т.е. явно противоправное, нарушающее действующее законодательство, права третьих лиц – осуществление субъективных прав самим их носителем.

Е. А. Суханов конкретизирует данную дефиницию применительно к современным условиям:¹³ злоупотребление правом являет собой умышленную реализацию субъективных прав их носителем такими способами, которые явно противоречат действующему законодательству, и, в конечном итоге, приведут к нарушению прав иных лиц.

Другой ученый, В.И. Емельянов, рассматривает злоупотребление субъективным гражданским правом как нарушение управомоченным лицом установленной законом или договором обязанности осуществлять

---

¹² Грибанов В.П. Указ. соч. С. 48-64.

¹³ Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 44 - 47 (автор главы - Е.А. Суханов);

субъективное гражданское право в интересах другого лица в непредвидимых условиях.

По мнению С.Д. Радченко, злоупотребление правом формируется тогда, когда общество ограничивает своих членов в реализации совершения правомерных действий при условии отсутствия в них потребности для себя.

Таким образом, приведенные концепции формулируют проблему, представляющую из себя отсутствие какого-либо разграничения со стороны цивилистов содержания и формы осуществления такого содержания. Содержание субъективных прав представляет из себя статику отношений, а форма – динамику: содержание представляет из себя лишь абстрактную категорию, существующую в легальном массиве и сознании субъекта, когда как форма воплощения такого содержания – есть всегда реальный аспект, материализация подобного воплощения. Полагаю, что отождествление правовой дефиниции «злоупотребление правом» с шиканой не отвечает всем задачам данного института в текущих реалиях.

Дискуссионным является вопрос о признании легальной дефиниции злоупотребления правом положений п.1 ст.10 ГК РФ. Основываясь на знании, что всякое понятие отражает сущность предмета, и этой сущностью, фиксируемой в каком-либо одном понятии, предметы отличаются от всех других, сущность которых фиксируется в ином понятии, необходимо провести анализ указанной нормы.

Согласно п.1 ст.10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Юридическая техника, которую законодатель использовал при нормотворчестве в ст.10 ГК РФ, указывает на потребность в изучении всей структуры нормы, а не отдельных ее пунктов, что повлекло бы неправильное толкование и правоприменение. Формула диспозиция, санкция, диспозиция

реализована в трех пунктах указанной нормы и существует под общим названием нормы права «пределы осуществления гражданских прав». Такой неоднозначный прием юридической техники, по мнению автора, был основан исключительно на попытке создать универсальную модель регулирования отношений без перечисления всех форм злоупотребления правом и формулировки соответствующих им запретов.

Несмотря на сложный и оценочный характер исследуемого института, введение более четкой дефиниции на законодательном уровне с использованием привычной терминологически выстроенной структуры термина, возможно, исключило бы научные дискуссии и упростило бы задачу для правоприменителя. Формулировка «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав», по мнению автора, является формой фиксации неисчерпывающего перечня злоупотреблений правом.

Для уяснения сущности злоупотребления правом следует обратиться к опыту разных правовых систем зарубежных стран.

В ст. 2 вводной части Гражданского кодекса Швейцарии указано об обязанности осуществлять свои права и выполнять свои обязанности в соответствии с принципами добросовестности. Факт явного злоупотребления какими - либо правами отдельно не защищается законом.

Во Франции суды применяют статьи 1382 и 1383 Гражданского кодекса, которые возлагают ответственность на лицо, причинившее вред, чтобы сократить злоупотребление правами или полномочиями в отношении права собственности, в рамках трудовых правоотношений, договорных обязательств, а также судопроизводства".

Некоторые национальные правовые системы понимают злоупотребление правом достаточно широко, тем не менее ограничивают его рамками социальных и экономических вопросов.

Итальянский законодатель также прибегает к форме ограничительного толкования, раскрывая понятие термина злоупотребления правом, закрепляя на уровне Гражданского кодекса положение о том, что существует запрет

осуществления права собственности «исключительно с целью причинения вреда другим» (статья 833 Гражданского кодекса Италии).

Австралийские правоведы (например, Джон Флеминг) полагают, что понятие злоупотребления правом не используется, но, несмотря на это, оно служит некой матрицей, из которой возникают другие, более конкретные правовые принципы.

Изучение терминологического и нормативного значения понятия злоупотребления правом в зарубежном законодательстве и доктринах позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на различные трактовки (расширительную и ограничительную) данного термина, этот институт является неизменным и неотъемлемым элементом гражданского права.

Законодатель в п.1 ст.10 ГК РФ упоминает три ранее указанные в тексте настоящей работы категории – шикана (нарушение с целью причинить вред), обход закона и злоупотребление правами, притом последняя категория упоминается именно как объединяющая для всех трех, шикана и обход закона упоминаются именно как разновидности злоупотребления. Злоупотребление, согласно усмотрению законодателя, представляет из себя «недобросовестное осуществление гражданских прав»: иными словами, законодатель унифицирует категории недобросовестности и категорию злоупотребление правом. Возникает вопрос: допустимо ли подобное?

Для ответа необходимо уяснить, что представляет из себя недобросовестность. Очевидно, что недобросовестность представляет из себя явление, противоположное добросовестности. Последнее же известно со времен римского права: римляне понимали под *bona fides* некую квинтэссенцию формального равенства участников отношений, выражаемую в ожидании со стороны контрагента таких действий, которые свидетельствуют об явным намерениях соблюдении права¹⁴. Впоследствии на европейском континенте добросовестность получала разное понимание в зависимости от

---

¹⁴ Дождев Д.В. Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 243.

правопорядка: во Франции – соблюдение ожиданий контрагента, верность его намерениям¹⁵; в Германии получают развитие идеи *Treu und Glauben*, определяющие пределы действия субъективных прав в зависимости от конкретных частных отношений¹⁶.

И. Б. Новицкий впервые разграничил понимание добросовестности в двух значениях¹⁷: законодательное ограничение, касающееся поведения участников определенного отношения (объективная добросовестность); невозможность узнать соответствие собственных действий существующим нормам на предмет их нарушения (субъективная добросовестность).

Современный российский законодатель воспринял данную концепцию и имплементировал ее в законодательство. Добросовестность, в объективном понимании, представляет из себя определенный стандарт поведения участников оборота, ожидаемые действия участников оборота, которые предполагаются при исполнении существующих норм¹⁸. Добросовестность же в субъективном смысле (п.1 ст.302 ГК РФ) представляет из себя категорию извинительного заблуждения: когда субъект объективно не знал или не мог знать о том, что собственным поведением нарушает чьи-то права¹⁹. А. М. Ширвиндт упоминает²⁰, что в настоящее время добросовестность в российском праве приобрела роль так называемой «корректирующей справедливости», когда суды применяют добросовестность при пробелах урегулированности спорных отношений только при очевидности выносимого решения. Ключевым в последнем предложении является слово «очевидность» - когда нарушение права очевидно настолько, что принять какое-либо иное

---

¹⁵ Benabent A. Rapport francais // *La bonne foi*. Paris: Eitec, 1994. P. 291 - 293;

¹⁶ Ranieri F. *Treu und Glauben* // *Handwörterbuch des Europäischen Privatrechts*. Bd. II. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. p. 1498;

¹⁷ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // *Вестник гражданского права*. 2006. Т. 6. N 1. С. 124 – 181;

¹⁸ Абз. 3-4 п.1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // СПС «Консультант-Плюс»;

¹⁹ Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. N 3. С. 65 – 77;

²⁰ Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 203 - 242.

решение не представляется возможным, с точки зрения судейского усмотрения.

Недобросовестность получает свое воплощение также в двух категориях: умышленное несоответствие признанным стандартам поведения (объективная); субъект знает или должен знать (т.е. предпринять все усилия, чтобы узнать, а если узнает, то никогда не совершит, будучи добросовестным) о нарушении (субъективная). Н. Б. Щербаков, сравнивая недобросовестность и злоупотребление правом, которые унифицировал законодатель, отмечает, что подобное уравнивание попросту лишает смысла одну из категорий²¹: Добросовестность предполагает некую абстракцию, ожидание нереализованного, однако, в сознании можно предположить как реализация будет осуществляться, недобросовестность – признак поведения, констатация нарушенного стандарта, явное нарушение права (может иметь и форму договорной ответственности – убытки, и деликтной – преддоговорная ответственность); злоупотребление же, согласно действующей редакции, включает в себя и шикану, и обход закона и т.д., хотя, на самом деле, как и было показано выше, является лишь однопорядковой категорией с категориями шиканы и обхода закона. Недобросовестность является лишь одним из отличительных признаков перечисленных трех явлений; их объединение под эгидой «недобросовестности» попросту нивелирует разницу между данными явлениями: например, шикана помимо недобросовестности содержит признак явного умысла, направленности причинения вреда; обход же закона использует нарушение закона не как цель, а как средство для сокрытия какой-то иной противоправной цели и т.д. Думается, с данным тезисом трудно не согласиться.

Таким образом, правовое явление злоупотребление правом представляет из себя достаточно дискуссионную категорию юридической науки.

---

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Под ред. П.В. Крашенинникова. С. 94 (автор комментария - Н.Б. Щербаков).

При этом, законодатель активно использует эту дефиницию в действующем законодательстве РФ. Так, она содержится в 18 законах (Гражданский Кодекс РФ (ст.10, 19), ФКЗ от 28.06.2004 N 5-ФКЗ "О референдуме Российской Федерации" (ст.68), Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" (ст.11), Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 "О средствах массовой информации" (статьи 51,57, 59), Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ст.1512), Федеральный закон от 03.07.2016 N 230-ФЗ "О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях" (ст.6), Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" (ст.11), Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (статья 56, 69, 141), Решение Совета глав государств СНГ от 10.02.1995 "Об Основах таможенных законодательств государств - участников Содружества Независимых Государств" (ст.41, 47, 70, 161, 167,), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ст.41, 111, 112, 159, 225.10-1, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (Статья 45), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ.

Такое масштабное использование института злоупотребления правом свидетельствует о его межотраслевом характере, признаваемом законодателем в качестве инструмента регулирования общественных отношений. Анализ вышеперечисленных нормативных правовых актов не формирует дополнительной смысловой нагрузки в раскрытии сущностного значения указанной дефиниции.

Отечественный законодатель необоснованно унифицирует категории недобросовестности и категорию злоупотребление правом, включая в

последнюю явление шиканы и обхода закона: недобросовестность выступает лишь признаком, отражающим характер действия, однако, не имеющей возможности полностью отразить специфику явлений: злоупотребление правом – выход за пределы субъективных прав, недопустимая – незаконная – форма осуществления таких прав; шикана – умышленное причинение вреда, вред как цель; обход закона – достижение иной незаконной цели путем нарушения закона, нарушение и вред – как способ.

В объеме настоящего исследования автор считает важным установить значение института злоупотребления правом не только на уровне доктринального исследования, но и в объеме его толкования судами.

Анализ судебной практики судов общей юрисдикции позволяет сделать вывод, что ссылка на положения ст. 10 ГК РФ в судебных актах стала возникать значительно чаще. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" ознаменовало новый этап для возможности судов при оценке действий сторон в качестве недобросовестных учитывать разъяснения вышестоящего суда, что таким поведением признается ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Представляется логичным и очень важным указание Верховного Суда РФ о правомочии суда выносить на обсуждение обстоятельства, которые явно свидетельствуют о недобросовестном поведении стороны в порядке ст. 56 ГПК РФ. Очерченные в виде примеров недобросовестного поведения меры со ссылкой на п. 2 ст. 10 ГК РФ вносят колоссальный вклад в развитие института злоупотребления правом в его широком значении.

По делу N 46-КГ21-30-К6 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации Определением от 09.11.2021 направила дело на новое рассмотрение, поскольку нижестоящие суды в нарушение ст. 10 ГК РФ не дали оценку обстоятельствам наличия выраженной

воли истицы на полное погашение кредита, не учли, вправе ли была истица полагаться на действия сотрудника банка, принявшего ее денежные средства в счет погашения кредита.

Из Апелляционного определения Белгородского областного суда от 15.03.2022 N 33-1054/2022 следует, что судом под злоупотреблением правом понимается умышленное поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему гражданского права, сопряженное с нарушением установленных в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации пределов осуществления гражданских прав, имеющее намерение к причинению вреда и создающее условия для его наступления. Для установления в действиях граждан и юридических лиц злоупотребления правом необходимо установить их намерения при реализации принадлежащих им гражданских прав, которые направлены на нарушение прав и законных интересов иных участников гражданского оборота или создают такую возможность их нарушения, при этом выявить действительную волю лица, злоупотребившего правом, возможно через последующее поведение указанного лица в соотношении с характеристикой последствий реализации гражданских прав.

Указанный судебный акт является примером расширительного толкования положений ст.10 ГК РФ, так как в легальную дефиницию вводится условие об умышленном поведении, что порождает требования по изменению предмета доказывания, а также относимости и допустимости доказательств, что не противоречит требованиям юридической герменевтики.

Синтез выводов Московского областного в Апелляционном определении Московского областного суда от 09.03.2022 по делу N 33-7502/2022 позволяет выделить позицию правоприменителя о том, что обстоятельство злоупотребления какой-либо из сторон правом является имеющим существенное значение для разрешения дела обстоятельством.

В вышеуказанном судебном акте суд под злоупотреблением правом понимает поведение лица по осуществлению принадлежащего ему права,

сопряженное с нарушением установленных в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации пределов осуществления гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия. Под злоупотреблением субъективным правом следует понимать любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права.

Вышеуказанные суждения правоприменителей позволяют утверждать о применении судом значения злоупотребления в теории широкого значения, а в некоторых случаях - неоправданно вводящими дополнительные квалифицирующие признаки в виде умысла. Особенно остро проблема «заведомости» и «умысла» прослеживается в судебной практике по страховым спорам. Так, длительное время проблемой оставался разный подход в применении положений ст.10 ГК РФ по делам с украденными бланками договоров страхования, которые использовались недобросовестными лицами в целях попытки использования их по наступившим событиям, а суды указывали об отсутствии приговора суда в части мошеннических действий указанных лиц. Такая правоприменительная теория не способствовала балансу равноправия сторон и порождала нездоровый интерес со стороны псевдострахователей.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о том, что законодательно сформулированное понятие злоупотребления правом не ограничено значением «шикана». Особенностью исследования являлось установление правовой природы злоупотребления правом, в том числе на базе его толкования и применения судами в целях исследования механизма доказывания фактов, сопряженных с злоупотреблением правом, в страховых правоотношениях. Примененные в рамках исследования методы дают автору возможность рассматривать эту дефиницию с точки зрения любого недобросовестного поведения, ограниченного пределами

осуществления гражданских прав. Относительно страховых правоотношений злоупотребление правом выступает серьезным правовым инструментом, позволяющим в условиях несовершенства актуального правового регулирования и потребности реализации Концепции реформирования главы 48 ГК РФ выступать в качестве специальной нормы права для баланса прав и законных интересов страхователя и страховщика.

1.2. Формы злоупотребления правом

Исследуя формы злоупотребления правом, неизбежно встает вопрос о том, что следует понимать под формой в общем и под формой злоупотребления правом, в частности. Формой является прежде всего внешнее очертание, наружный вид, структура, внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием. Указанное является общим определением категории, в то время как необходимо определиться с правовым воплощением указанного термина.

Законодательно не регламентировано, что следует понимать под формой злоупотребления правом, в этой связи необходимо доктринальное толкование, в рамках которого можно прийти к выводу, что под формой злоупотребления правом подразумеваются различные варианты проявления и внешнего воплощения действий, внутренняя структура и определенный порядок реализации уполномоченным субъектом своего субъективного права. Указанная реализация осуществляется способом, который противоречит основному назначению права, для достижения некой цели, в результате чего наносится или может быть нанесен вред правам другого лица²².

Как верно отмечает О.Н. Бармина²³, «изучение форм в праве имеет не только важное практическое значение, но и обусловлено возможностью проведения в последующем теоретических классификаций, которые способствуют более глубокому и основательному изучению права и систематизации. Более того, «классификации являются определяющим элементом развития и совершенствования системы права в целом».

«Цель классификации заключается в систематизации знаний, что любая классификация условна и относительна. В данный момент не сложилось

---

²² Милетич Ольга Олеговна. Формы злоупотребления правом: общетеоретический аспект исследования. // <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-zloupotrebleniya-pravom-obscheteoreticheskiy-aspekt-issledovaniya/viewer>

²³ Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 37.

единого взгляда относительно понятия и природы легальных дефиниций, что приводит к многообразию подходов классификации»²⁴.

Бесспорно, что значение классификации как таковой состоит в распределении правового материала по классам (группам, видам) в соответствии с избранным критерием, упорядочивая анализируемый объект на основе различий по определенному критерию. Классификация позволяет установить логический порядок, четкое разграничение правовых явлений, а также формальную иерархию понятий, феноменов и ситуаций права. Классификация сведет воедино отличающиеся на первый взгляд одно от другого явления, которые будут поставлены в определенном порядке с целью облегчить их рассмотрение, анализ и толкование²⁵.

Необходимо учитывать, что классификационные конструкции направлены на синтез и анализ существенных признаков злоупотребления правом для создания модели противодействия недобросовестности. Во многих случаях эффективность кроется в процессах унификации, триединстве нормативной базы, теории и практики, что обеспечивает единообразие подходов, предотвращая нарушение логики, системы и структуры правовых явлений»²⁶. С такой точкой зрения необходимо согласиться, поскольку познавательную деятельность в праве сложно представить без использования классификационного подхода.

При этом, доктринальные подходы к классификации форм злоупотребления правом в научной литературе разнообразны и представлены следующим образом. Вопрос форм злоупотребления правом затрагивался различными учеными-цивилистами в разные периоды.

Так, И.А. Покровский отмечал, что «возможны случаи, когда лицо, имеющее право, воспользуется им не для удовлетворения каких-либо своих интересов, а с исключительной целью причинить другому вред. Одним из

---

²⁴ Лошкарев Н.В. К вопросу о классификации легальных дефиниций. Юридическая наука. 2013. № 3// <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-legalnyh-definitsiy/viewer>

²⁵ <https://isfic.info/urteh/temrop47.htm>

²⁶ Болотнев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами. ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского». Омск. 2018. С. 80.

наиболее типичных и исторически древнейших случаев этого рода был случай постройки нагло соседу (т. н. Neidbau): я строю на границе своего участка высокую стену с исключительной целью лишить света окна вашего дома. Подобное осуществление права с целью причинить другому вред носит название злоупотребления правом, или шиканы (abus de droit, Chikane, Rechtsmissbrauch)²⁷.

М.М. Агарков в своем труде «Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве» отмечал, что «выражение «злоупотребление правом» противоречиво. Дело всегда идет о поведении лица, перешедшего границу своего права, о правонарушении. Поведение лица, остающегося в пределах границы, очерченной законом, но вышедшее за пределы той границы, которую суд сочтет по данному делу правильной, можно условно назвать злоупотреблением правом. Запрещение шиканы есть проведение границы гражданских прав законом, а не отсылка к судебскому усмотрению. Поэтому неправильно весьма распространенное подведение понятия шиканы под понятие злоупотребления правом. Границы отдельных гражданских прав, установленные законом, недостаточны и требуют общего корректива. Таким общим коррективом могло бы быть запрещение шиканы. Смысл ст. 6 не оставляет сомнений в том, что она запрещает процессуальную шикану. Пользование процессуальными правами для затягивания или затемнения процесса направлено лишь на причинение вреда другому, т.е. представляет собой шикану»²⁸. Таким образом, М.М. Агарков указывал на наличие шиканы, процессуальной шиканы, а также нетождественности шиканы злоупотреблению правом.

В научном труде А.А. Малиновского «Злоупотребление субъективным правом», можно увидеть следующую общую классификацию форм злоупотребления субъективным правом по признаку правомерности и

---

²⁷ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права // http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_13.html

²⁸ Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6.

противоправности. Основой такой концепции являлся вывод о том, что само деяние правомерно (юридический аспект), а общественно вредно в части социального аспекта. Автор также отмечает, что «злоупотребления гражданскими правами, согласно предписаниям ГК РФ, проявляются в виде шиканы и в иных формах»²⁹.

Основы концепции А.А. Малиновского построены на разграничении форм злоупотребления правом путем обобщения морально-этического аспекта с узкоправовым, с делением на противоправные и легальные³⁰.

Приводимая в исследованиях А.В. Волковым классификация форм злоупотребления правом построена на базе анализа структуры положений ст.10 ГК РФ в виде шиканы, раскрываемой им как действие лица с прямым умыслом причинить вред другому лицу, а также злоупотребление доминирующим положением и ограничение конкуренции с оговоркой об открытом перечне форм.

В монографиях можно встретить типизацию форм злоупотребления правом, в основе которой конкретные практические случаи, зафиксированные в судебной практике.

Вышеприведенный анализ формирует вывод о необходимости законодательного изменения дефиниции злоупотребления правом и положений ст.10 ГК РФ в целом, поскольку представляется неоправданным и нецелесообразным на данном этапе выделение в норме закона только таких форм, как ограничение конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке. Потребность в новой классификации форм злоупотребления не только существенна, но и повлечет за собой вопрос об актуальности сущностного содержания рассматриваемой дефиниции.

Классификационные модели в теоретическом аспекте возможны по форме вины или ее наличия, по субъектному составу, с причинением последствий или без них и иные.

---

²⁹ Малиновский А.А. Теоретико-правовое исследование. Злоупотребление субъективным правом. М.: Юрлитинформ, 2007.

³⁰ Малиновский А.А. Злоупотребление правом (основы концепции). С. 29 - 34.

Классификация форм злоупотребления правом по целям вызывает особый интерес, поскольку именно скрытая и незаконная цель образует один из важнейших признаков злоупотребительного поведения.

Целевая модель исследуемой дефиниций состоит из злоупотребления правом с целью получения выгоды, с целью причинения вреда, с целью недопустимости реализации права третьим лицом. Исходя из используемого подхода (широкого или узкого понимания дефиниции) обосновывается конкретная классификация.

Выделяемая форма злоупотребления в виде уклонения от исполнения обязанности раскрывается через формальное неисполнение обязанностей со ссылкой на непреодолимые препятствия.

Основываясь на классификации вещных и обязательственных прав, можно сформулировать классификацию по этому признаку.

Дискуссионным является выделение в качестве самостоятельной формы обхода норм закона, при котором существенным выступает именно наличие права, на базе которого или при реализации которого формируется злоупотребление. В качестве примера такой формы некоторые ученые приводят положения ст. 170 ГК РФ по заключению притворной или мнимой сделок. Придерживаясь широкой концепции понятия злоупотребления правом, эту форму ее существования автор находит логически доказанной.

По вопросу о злоупотреблении правом применительно к конкурентным отношениям схожее с А.В. Волковым мнение высказывает О.А. Поротикова, согласно которому, «устанавливая особый запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и на злоупотребление доминирующим положением на рынке, законодатель не имел целью противопоставить этот вид формам, перечисленным в ч. 1 ст. 10 ГК РФ. Скорее подобное обособление вызвано стремлением подчеркнуть значение этого правонарушения для развития рыночных отношений, в частности

конкуренции»³¹. Анализ трудов О.А. Поротиковой³² формирует у автора вывод о том, что ее критическая концепция поглощения любыми недобросовестными действиями некоторых выделенных на законодательном уровне форм (например, нарушение антимонопольного законодательства) подтверждает теорию автора о широком значении термина.

Говоря о формах злоупотребления правом, выделяемых А.А. Малиновским, О.А. Поротикова критикует их и приходит к выводу, что «приведенные формы злоупотребления правом не отражают никаких существенных отличий одних вариантов ненадлежащего осуществления прав от других и не могут иметь сколько-нибудь важного значения ни для науки, ни для судебной практики»³³. Однако, согласиться с ее мнением³⁴, о том, что положения ст.10 ГК РФ не содержат классификации форм злоупотребления правом, сложно и нецелесообразно с точки зрения потребностей самой классификации.

Предположительно, изучая формы злоупотребления правом, О.А. Поротикова также проводит классификацию, только укрупненную: шикана и ненамеренные действия в виде иных форм злоупотребления правом.

Интересной представляется теория И.В. Сазановой в монографии «Злоупотребление субъективным гражданским правом», согласно которой она определяет форму злоупотребления правом как шикану: действия лица не только с целью причинения вреда другим лицам, но указанные действия могут преследовать также и другие цели. Указанное обусловлено доктринальными исследованиями, а также ссылкой на ранее применявшийся судами пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996 "О некоторых вопросах, связанных с применением части первой

---

³¹ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007.

³² Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007.

³³ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007.

³⁴ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007.

Гражданского кодекса Российской Федерации", который не указывает на исключительность намерения причинения вреда другому лицу. В идеологии ученого суть дефиниции раскрыта через целеполагание.

Ее суждение о применении принципа *lex specialis derogat generalis* в части специальных нормы гражданского права, а не ст. 10 Кодекса, представляется логичным с учетом частно-правовых и публично-правовых интересов. Таким образом, конкретным предложение по доработке положений ст. 10 ГК РФ при исследовании форм злоупотребления правом выступает применение юридической техники в виде формулировки «злоупотребления правом – это...», при необходимости легализации классификации форм злоупотребления на законодательном уровне их изложение по конкретному признаку, определение меры ответственности в случае установления факта злоупотребления правом, закрепление субъекта, наделенного компетенцией по применению последствий нарушений.

Одной их форм злоупотребления субъективным правом, запрет которой, как правило, находит широкую поддержку, является шикана. Пункт 1 ст. 10 ГК устанавливает, что не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Проблемы доказывания наличия намерений причинить вред вполне очевидны. В германской цивилистике выдвигалось положение о том, что если иные цели субъекта являются законными, то его действия не могут быть квалифицированы как шикана. Судебные акты свидетельствуют, что такая ситуация возможна, в основном, в спорах о разделе совместно нажитого имущества или иных спорах между родственниками.

Автор полагает, что предусмотренные п.2 ст.10 ГК РФ меры ответственности не являются понятными для правоприменителя и создают условия для избегания квалификации действий с применением института злоупотребления правом.

Д.А. Матанцев исходит из того, что в основе классификации должна приводиться субъективная сторона злоупотребления правом, т.е. отношение

управомоченного лица к своим действиям. При этом, он исключает квалификацию действий в виде злоупотребления правом, если намерений причинить вред не было, но такие последствия наступили. Такой подход симметричен понятию формы вины в уголовно-правовой проекции. Его позиция по исключению недобросовестных действий и действия в обход закона из форм злоупотребления правом не формирует целостность указанного правового явления. Он полагает, что злоупотребление правом нацелено на причинение вреда другим лицам, в то время как действия в обход закона направлены на необоснованное приобретение права или освобождение от обязанности.³⁵

Как отмечает Бармина О.Н., «в качестве злоупотребления правом может быть рассмотрено самоуправство»³⁶.

В силу ст. 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях самоуправством является самовольное, вопреки установленному федеральным законом или иным нормативным правовым актом порядку осуществление своего действительного или предполагаемого права, не причинившее существенного вреда гражданам или юридическим лицам, за исключением предусмотренных случаев.

«Самоуправство фактически подразумевает такой способ реализации права, который по своему содержанию противоречит смыслу права»³⁷.

Преступления, которые представляют отдельные злоупотребления, являются разновидностью правонарушений, которые имеют более весомую общественную опасность.

Статья 285 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, то есть за использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки

---

³⁵ Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2012

³⁶ Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 34.

³⁷ Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 35.

интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Кроме того, статьей 201 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за злоупотребление полномочиями, а именно, за использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Из изложенного следует, что использование властных функций и должностных полномочий как должностным лицом, равно как и другими лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации, в корыстных целях является преступлением и представляет собой форму злоупотребления в праве.

Выбор квалификации действий лица в виде злоупотребления правом или правонарушения дополнительно обосновывает тезис автора о междисциплинарном характере дефиниции. Возникает вопрос о том, насколько возможна одновременная квалификация, и в качестве злоупотребления правом, и в качестве правонарушения. По мнению автора, такая ситуация возможна, и в качестве примера можно привести любой страховой спор, в котором доказывание факта злоупотребления правом производилось страховщиком с использованием одного из средств доказывания (письменного доказательства), а именно, постановления о возбуждении уголовного дела, а в последующем лицо, допустившее злоупотребление правом, признано виновным в совершении преступления по этому же факту, и вынесен обвинительный приговор. При этом, не все формы

злоупотребления правом могут одновременно быть квалифицированы в качестве злоупотребления правом и правонарушения.

В своей диссертации О.Н. Бармина приводит примеры злоупотреблений правом, которые могут не привести к нарушению конкретных предписаний закона, обозначает признаки вредоносных действий. Из правила возмещения убытков от действий лица, допустившего злоупотребление, ученый выводит тезис о логике законодателя, что злоупотребление правом может не нарушать прав других лиц, а только принципы³⁸.

На основании изложенного О.Н. Бармина в своем исследовании приходит к выводу о том, что формами злоупотребления правом являются противоправные (правонарушение и преступления) и вредоносные действия³⁹.

Изучая злоупотребление правом, Ю.Г. Лескова указывала, что выделение отдельных форм злоупотребления правом в нормативных источниках, в первую очередь, выгодно правоприменителю. Это можно объяснить, проведя аналогию с теорией квалификации преступлений и указав на принцип, который гласит, что чем больше в норме классифицирующих признаков, тем проще классифицировать деяние (в случае гражданского права - действие). То есть, чем больше форм злоупотребления правом будет перечислено в посвященной ему статье, тем проще будет подвести то или иное действие под его влияние». ⁴⁰ Концептуально позиция является логически верной, однако последующая классификационная модель с перечислением из диспозиции ст.10 ГК РФ не полностью отражает идеологию законодателя по перечню форм злоупотребления правом.

В своих трудах Я.А. Смирнова указывает, что о том, что осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана), действия в обход закона с противоправной целью выступают

---

³⁸ Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 39.

³⁹ Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 41.

⁴⁰ Лескова Ю.Г. Выпускная квалификационная работа. Злоупотребление правом. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Красноярск. 2017. // http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/68535/vkr_leskova._zloupotreblenie_pravom._2.pdf?sequence

разновидностями заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав, то есть формами злоупотребления правом является примером узкого толкования дефиниции⁴¹.

Четыре вида форм злоупотребления правом, выделенные Е.В. Некрасовой в зависимости от способа осуществления также соответствует духу узкого толкования⁴².

Анализ многочисленных исследований, монографий, иных трудов приводит к выводу о том, что в попытках определения форм злоупотребления правом неосознанно пересекают и порой отождествляют формы и виды, не проводя четкой классификации, что и порождает массовый характер исследований.

В целях настоящего исследования, а также ввиду ограничения рамками объемов настоящего исследования, требуется освещение форм злоупотребления правом в страховых спорах.

Представляется, что наиболее верным и актуальным будет описание форм злоупотребления правом в страховых спорах через стадии развития взаимоотношений субъектов страховых правоотношений, страховщика и страхователя, а именно, на этапе заключения договора страхования, его исполнения и судебном этапе взаимоотношений страховщика и страхователя через призму конкретных примеров злоупотребления правом.

Одна из первых концептуальных позиций Верховного Суда РФ по вопросам злоупотребления правом в страховании была изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан". Так, согласно правовой позиции, изложенной в п. 20 указанного Постановления, при определении условий договора

---

⁴¹ Смирнова Я.А. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ. ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». Москва. 2019. С. 39. // https://izak.ru/upload/iblock/0e6/Dissertaciya_Smirnova_YA.A._19.11.2019.pdf

⁴² Некрасова Е.В. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и обязательств вследствие причинения вреда // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-kategoriy-zloupotrebleniya-pravom-i-obyazatelstv-vsledstvie-prichineniya-vreda/viewer>

добровольного страхования имущества о франшизе стороны должны действовать добросовестно и не допускать злоупотребления правом. Указанным высшая инстанция закрепила принцип наивысшей добросовестности в части требований к действиям страховщика и сформировала указание для единообразия судебной практики.

На этапе заключения договора страхования злоупотребление правом может состоять в представлении заведомо ложных сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая, например, ложных сведений о состоянии здоровья по договорам личного страхования (ст. 944 Гражданского кодекса Российской Федерации), обмане со стороны страхователя, следствием которого является завышение страховой суммы в договоре страхования, например, завышение стоимости жилых домов по договорам имущественного страхования (ст. 951 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Интересным для анализа является дело по иску Ф., М. к ООО «СК «Согласие» о взыскании страхового возмещения по факту произошедшего пожара в застрахованной гостинице и по встречному иску страховщика к страхователям о признании договора страхования недействительным. Особенностью указанного страхового спора является вывод Судебной коллегии о назначении к слушанию в заседании с акцентом на невыполненную страховщиком обязанность по оценке риска и последующее признание законности вынесенных судебных актов на основании использованной страховщиком методики доказывания через хронологию развития отношений сторон и установленных судами фактов представления страхователем заведомо ложных сведений относительно существенных условий договора в области пожарной безопасности. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.03.2018 N 18-КГ17-292 является многоаспектно мотивированным судебным актом.

Любая методика доказывания, в том числе злоупотребления правом, сопряжена с хронологической аналитикой развития правоотношений. В деле

А40-166299/2014 [Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.03.2017 N Ф05-1040/2017] это помогло страховщику доказать факт заведомости и признать договор недействительным. Предметом судебных прений выступал поджог неустановленным лицом через несколько месяцев после страхования производственной линии по обработке камня на 96 млн. рублей. Разоблачение классического сценария страхового мошенничества базировалось на совокупности факторов: приобретение производственной линии безработным, передача денег наличными, сообщение о давнем списании оборудования в связи с износом производителем в Германии по серийному номеру, повреждение камней в месте проникновения в здание не снаружи, а изнутри.

Применение судами п. 3 ст. 944 Гражданского кодекса РФ производится с учетом положений п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ. Представляется правильным «правовой симбиоз» оценки действий страхователя в случаях, связанных с представлением заведомо ложных сведений для получения денежных средств в рамках страхования.

Проведенное исследование позволяет сформулировать предложение законодателю по совершенствованию правовой терминологии преддоговорной информационной обязанности страхователя, в частности, легализации понятия «заведомость», не ограничиваясь рамками страховых правоотношений, а включая ее в часть 1 Гражданского кодекса РФ. Сокращению эпизодов страхового мошенничества будет способствовать и использование дифференцированной системы последствий по аналогии с законодательством Великобритании или изменение правовой конструкции п. 3 ст. 944 Гражданского кодекса РФ в части определения последствий недействительности.

На стадии исполнения договора страхования злоупотребление правом может быть представлено частными случаями злоупотребления правом, которые не содержат специальных норм в главе 48 Гражданского кодекса РФ, базирующимися на ст. 10 Гражданского кодекса РФ (например, представление

неполного комплекта документов, сообщение недостоверных сведений об обстоятельствах наступления события, имеющего признаки страхового случая, заявление неотносимых к событию повреждений, непредставление объекта страхования на дополнительный осмотр, заявление ложной нетранспортабельности транспортного средства, использование нелицензионного программного обеспечения при расчете размера ущерба), а также неисполнением обязанности по сообщению о значимых изменениях в обстоятельствах, сообщенных страховщику при заключении договора, например, несообщение об изменении состояния здоровья по договорам личного страхования (ст. 959 Гражданского кодекса РФ), неисполнением страхователем обязанности по незамедлительному уведомлению страховщика о наступлении страхового случая (ст. 961 Гражданского кодекса РФ), умыслом страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица, направленным на наступление страхового случая (ст. 963 Гражданского кодекса РФ).

В пункте 48 ранее упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" указано, что как злоупотребление правом необходимо квалифицировать бездействие страхователя (выгодоприобретателя), который при наступлении страхового случая не представляет банковские реквизиты, а также сведения, необходимые для осуществления страховой выплаты в безналичном порядке. Указанное толкование дефиниции «злоупотребление правом» в страховых отношениях предопределило вектор и рамки модели доказывания на все последующие годы. Высшая инстанция признала наличие проблемы и сформировала пример формы злоупотребления правом на этапе исполнения договора в страховых спорах как одно из оснований для применения положений ст.10 ГК РФ.

Анализ судебной практики за период после утверждения Постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 20 свидетельствует о том, что суды постепенно стали создавать фундамент квалификации действий страхователя в качестве недобросовестных. Так, например, Апелляционным определением

Московского областного суда от 30.10.2013 по делу N 33-23134/2013 во взыскании всех видов штрафных санкций с ОАО «Альфа Страхование» было отказано, так как было установлено, что за выплатой страхового возмещения потерпевший не обращался. Претензия была направлена истцом ОАО «АльфаСтрахование» в ходе судебного разбирательства дела, что свидетельствует о злоупотреблении правом на этапе исполнения договора страхования.

В дальнейшем, в 2015 году было утверждено Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в пункте 52 которого было указано, что если одна из сторон для получения преимуществ при реализации прав и обязанностей, возникающих из договора обязательного страхования, действует недобросовестно, в удовлетворении исковых требований этой стороны может быть отказано в той части, в какой их удовлетворение создавало бы для нее такие преимущества (п. 4 ст. 1 ГК РФ). При установлении факта злоупотребления потерпевшим правом суд отказывает в удовлетворении исковых требований о взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда (ст. 1 и 10 ГК РФ).

Таким образом, суды распространили применимость последствий злоупотребления правом на правоотношения в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и достаточно широко истолковал границы его применения, что обусловлено особой правовой природой института злоупотребления правом, особенно в страховых спорах, и связано с порядком регламентации правоотношений в области ОСАГО, в котором правила поведения сформулированы достаточно четко, но возможна большая вариативность. Например, потерпевший не представляет транспортное средство на осмотр, ссылаясь на его конструктивную гибель и нетранспортабельность, однако при этом

продолжает его эксплуатировать. Истребование данных из системы «Поток» на основании статьи 57 Гражданского процессуального кодекса РФ позволяет подтвердить факт злоупотребления правом.

В последние годы наиболее распространенными примерами злоупотребления правом в страховании в части имущественных видов наряду с вышеописанными выступают непредставление транспортного средства на осмотр, использование псевдоаваркомов, таинственные повреждения машин, в части личных видов страхования - симулирование ожогов, травм. В качестве примера можно привести судебный спор по иску Стадника к ООО «СК «Согласие» о взыскании страхового возмещения за разукomплектацию машины в гараже. В процессе был установлен факт злоупотребления правом со стороны истца путем назначения судебной экспертизы с вопросом о возможности проведения разукomплектации в условиях размеров гаража, истребования доказательств у официального дилера «Мерседес» по проверке последующей установки тех же блоков после заявления об их похищении и продаже машины⁴³.

К группе форм злоупотребления правом на судебном этапе взаимоотношений страховщика и страхователя могут быть отнесены следующие примеры: дробление исковых требований на ряд исков, представление фальсифицированных доказательств (договоры страхования, дефектовки, заказ-наряды, пр.), заявление отказа от цессии и отказа от иска, переуступка права требования к страховщику задним числом, создание искусственной подсудности путем представления временной регистрации потребителя, полученной лишь с целью изменения подсудности, карманная «независимая» экспертиза от партнеров автоюристов, взаимодействие массовых автоюристов с судебными экспертами.

---

⁴³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24.05.2021. // https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18041661&case_uid=ace95eba-e3f5-4af9-9339-e5d6fbbb7cba&result=1&delo_id=5&new=5

Указанное создает максимальную проблематику и актуальность ввиду тенденции роста страхового мошенничества и отсутствия в масштабах Российской Федерации единообразия судебной практики по однотипным страховым спорам.

Правоприменителем в лице высшей инстанции признается наличие проблемы злоупотребления правом в страховых правоотношениях, в том числе и на судебном этапе. Так, в силу п. 102 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 58 "О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" с целью обеспечения баланса интересов сторон, исключения возможности получения необоснованной выгоды в результате недобросовестного поведения стороны, которое может выражаться в том числе в искусственном разделении требования по одному договору посредством предъявления нескольких исковых заявлений, судом с учетом конкретных обстоятельств дела такие действия могут быть признаны злоупотреблением процессуальными правами истца и повлечь отказ в признании понесенных истцом судебных издержек разумными и необходимыми полностью или в части (часть 1 статьи 35 ГПК РФ) либо возложение на истца понесенных ответчиком судебных издержек (статья 111 АПК РФ).

Многообразие форм и способов злоупотребления правом в страховых спорах на судебном этапе будет раскрыто в Главе 3 настоящего исследования.

1.3. Правовое регулирование пределов осуществления гражданских прав

Многочисленные доктринальные исследования не сформулировали единую концепцию толкования сущности пределов осуществления гражданских прав, что влияет на субъективность судебного усмотрения, формируя разные подходы при разрешении страховых споров в гражданском процессе.

Целью правового регулирования является упорядочивание общественных отношений для достижения баланса при реализации прав без ущерба субъектом прав третьих лиц, создание правопорядка, моделей и границ поведения субъектов правоотношений. Идеология правового регулирования направлена также на всеобщее и единообразное применение законодательства с использованием юридической техники для фиксации указанных правил поведения в нормах права.

Судебные инстанции также выполняют особую роль в правовом регулировании путем применения и толкования норм права, условий договоров, квалификации правоотношений сторон, установлении фактов и создании максимального единообразия судебной практики по категориям дел.

Пределы осуществления гражданских прав можно рассматривать с двух позиций: пределы субъективного права, установленные и понимаемые самим их носителем; пределы, установленные законодателем.

Термин «предел» подразумевает достижение максимального результата, получение наибольшего эффекта в определенный момент времени, при определенных обстоятельствах, в определенной точке.

На законодательном уровне пределам осуществления гражданских прав посвящена анализируемая статья 10 ГК РФ. Пределы осуществления гражданских прав представляют собой соотношение между возможностью и

действительностью. В научных трудах можно встретить точки зрения о тождественности границ и пределов осуществления гражданских прав.

Представляется концептуально обоснованным вывод, сделанный М.М. Агарковым, о том, что границы гражданских прав следует искать прежде всего в законе. Эта правовая аксиома, безусловно, требует более детального развития мысли, поскольку М.М. Агарков связывал границы только с содержанием права в виде недопущения шиканы в качестве границы гражданского права, но не границы осуществления права.

В своих трудах В.П. Грибанов сформировал подход, согласно которому границы представляют собой обязательное свойство всякого субъективного права и отсутствие границ приводит к произволу, исключающему само право. Его классическая модель различия в субъективном праве и его осуществлении представлена как соотношение действительности и возможности.

Е.А. Суханов выдвигал утверждение, что под пределами осуществления субъективных гражданских прав нужно понимать границы для деятельности управомоченных лиц по реализации возможностей, составляющих содержание данных прав в рамках закона.

Таким образом, указанная группа ученых придерживается вывода о наличии границ в осуществлении гражданских прав.

Представителями второй группы, отрицавшей факт целесообразности выделения границ осуществления гражданских прав, выступает Пашин В.М.

А.А. Малиновский полагает, что пределы субъективного права можно представить на законодательном уровне только концептуально. Содержание субъективного права он определяет через управомочивающие положения норм права, а пределы (границы) в виде запрещающих (обязывающих) норм.

О.А. Поротикова пределы осуществления субъективных гражданских прав рассматривает в качестве общеправовых сдерживающих стимулов поведенческой активности, которые должны оказывать внешнее упорядочивающее воздействие на целый перечень факторов, таких, как способы, средства и характер использования возможностей. Ее сравнение

пределов в формате прямых обязанностей несколько неоправданно с точки зрения законодательных возможностей и классификации форм злоупотребления правом.

Ряд ученых, включая С.В. Радченко не соглашаются с такой идеологией по причине невозможности отграничить противоправность от злоупотребления правом.

В судебной практике можно встретить немало примеров судебных постановлений, ориентирующихся на данную теорию. В одних случаях суд охарактеризовал злоупотребление правом как осуществление права недозволенным способом ; в других - как осуществление права с превышением пределов осуществления гражданских прав, установленных ст. 10 ГК РФ; в третьих - как превышение пределов дозволенного гражданским правом осуществления своих правомочий путем осуществления их с незаконной целью или незаконными средствами, нарушая при этом права и законные интересы других лиц.

Радченко С.В. строит свою аргументацию об уязвимости указанной теории, опираясь на идеи Н.С. Малеина о том, что выход за границы формирует правонарушение с обязательной ответственностью и В.И. Емельянова о совпадении пределов субъективного права и пределов их осуществления и критикует концепцию А.А. Малиновского о правомерном злоупотреблении правом.

Концептуально существуют два подхода к толкованию пределов осуществления гражданских прав как и относительно самой дефиниции злоупотребления правом (широком и узком значении). Т.Е. Абова, например, относила все действия, выходящие за пределы осуществления гражданских прав, к злоупотреблению правом. Узкое толкование понятия пределов осуществления прав заключается в концепции исключения правонарушения из понятия злоупотребления правом.

Представители широкого подхода различают терминологически пределы осуществления и злоупотребления правом, представляя их как общее

и частное. По мнению О.С. Иоффе: «...под пределами осуществления гражданских прав нужно понимать пределы, вытекающие из их целевого назначения.

Несмотря на важность классификации пределов осуществления гражданских прав и теоретического обоснования этой категории, вышеуказанные подходы не сформировали универсального правового понятия, что порождает в современном обществе потребность в продолжении исследований и поиске оптимальных конструкций.

Переходя от доктринального исследования пределов осуществления гражданского права и их правового регулирования, обратимся к законодательной конструкции, используемой в нашей стране.

Основная идея правового регулирования пределов осуществления гражданских прав закреплена в нормах Конституции РФ в ч.3 ст.17, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должны нарушать прав и свобод других лиц. Данная правовая конструкция, содержащая одновременно межотраслевой принцип регулирования всех видов правоотношений, является идеологической платформой для осуществления любых видов гражданских прав.

В развитие указанного принципа законодателем в статье 1 ГК РФ определены пределы осуществления гражданских прав, которые можно сформулировать следующим образом: необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, свобода в установлении прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора, ограничение гражданских прав только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Содержащиеся в ч. 3, 4 ст. 1 ГК РФ положения автор рассматривает в качестве базовых принципов осуществления гражданских прав. Так, в ч.3 ст.1 ГК РФ предусмотрено, что при установлении,

осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Согласно ч.4 ст.1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Таким образом, теория добросовестности является, по мнению автора, базовыми рамками для модели любых гражданско-правовых отношений. Дискуссионным является лишь вопрос о правовой природе добросовестности и субъективности при ее оценке.

Для установления законодательно определенных пределов осуществления гражданских прав и была использована юридическая техника переходов в ст.10 ГК РФ, описанная выше. Дополнительно необходимо указать на использование в п. 1 ст.10 ГК РФ запрета, а в п. 3 ст.10 - обязанности. Отмеченная Дерюгиной Т.В. особенность указанной нормы, которая, по ее мнению, содержит одновременно принцип гражданского права, правонарушение и правовую презумпцию, указывает на попытку нормативного установления пределов осуществления гражданских прав через категорию добросовестности с одновременным очерчиванием запрета на злоупотребление правом. По мнению автора, такая концепция правового регулирования не исчерпывается исключительно злоупотреблением правом, а была нацелена на установление дозволения и введения запрета, однако юридическая техника весьма сложная для толкования сущности.

Подытоживая вышеизложенное, автор формулирует суждение о значении правового регулирования пределов осуществления гражданских прав в уяснении смысла правовой дефиниции «злоупотребление правом». Так, внося предложения о доработке положений ст.10 ГК РФ, представляется уместным, придерживаясь классической структуры построения нормы права, выделить терминологически понятие злоупотребления правом и пределов осуществления гражданских прав.

Глава 2: Общая характеристика отдельных средств доказывания в страховых спорах, связанных со злоупотреблением правом

2.1. Относимость и допустимость доказательств

Выделение в качестве самостоятельной области исследования средств доказывания злоупотребления правом в страховом праве построено на специфике и особом фидуциарном характере страховых правоотношений и обозначено проблемой отсутствия единообразия судебной практики.

Доказывание является важнейшим правовым институтом любой процессуальной отрасли права. Законодательно сформулированное в статье 55 ГПК РФ понятие доказательств - полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, не идентично таким же определениям в АПК РФ, КАС РФ. Начавшаяся в 2019 г. процессуальная реформа по унификации судебной системы и процессуального законодательства в нашей стране поставила задачу решить вопрос о единообразии по основным институтам.

Следует отметить, что и сам термин «доказывание» не содержится в гражданском процессуальном законодательстве РФ. Учеными-процессуалистами были сформированы два подхода к раскрытию его смыслового содержания. Первая группа ученых (Гурвич М.А., Клейнман А.Ф.) определяют доказывание как процессуальную деятельность сторон (узкое понимание), вторая группа под доказыванием понимает деятельность лиц, участвующих в деле, и суда по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств (широкое понимание) (Гуреев П.П., Юдельсон К.С.), что представляется верным и аргументированным. В качестве примера следует привести законодательные формулировки термина «доказывание» в зарубежных странах. Так, в гражданском процессуальном законодательстве

Франции доказывание понимается как процессуальная деятельность, целью которой является достижение истинного знания об объекте судебного познания. В Англии доказывание - это процессуальная деятельность заинтересованных участников дела по собиранию, представлению и исследованию доказательств в зависимости от стадий процесса. Безусловно, доказывание сопряжено с формами разрешения споров (forms of dispute resolution), а также выбором способа защиты нарушенного права. Таким образом, рассматривая доказывание в его широком понимании в рамках настоящего исследования, необходимо раскрыть основную актуальную проблематику доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах. Процессуальное законодательство России и иностранных государств большинства мировых правовых систем сталкивается с подобными тенденциями реформирования, что также влияет на стандарты доказывания⁴⁴.

Субъектом, который на первичном этапе гражданского процесса определяет относимые и допустимые доказательства, является истец, поскольку по смыслу процессуальных требований к форме и содержанию иска (ст.131, 132 ГПК РФ) именно на него возложена обязанность сформировать основание иска и приложить доказательства в обоснование указываемых им в качестве оснований иска обстоятельств.

Независимый арбитр, соблюдающий требования принципов гражданского процесса, не участвующий непосредственно в собирании доказательств по делу, определяет границы доказывания для сторон (ч.2 ст.56 ГПК РФ). Представляется, что именно на этом этапе формируется базис законного и обоснованного решения.

Процесс доказывания всегда сопровождается опосредованной познавательной деятельностью суда. Без него процесс рассмотрения и разрешения конкретных дел в суде невозможен. Качество доказывания

---

⁴⁴ Rusakova, E. P. Challenges of the Judicial Systems of the Russian Federation and People's Republic of China in the Era of the Pandemic / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, L. L. Arzumanova // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 198. – P. 1541-1549. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_170.

напрямую влияет на возможность вынесения правильных, обоснованных решений суда, содержащих окончательные выводы о действительности взаимоотношений сторон, их правовом статусе. Доказывание по гражданскому делу является центральным элементом в гражданском процессе. Он призван обеспечивать решение главной задачи гражданского судопроизводства - разрешение гражданских дел и совершение иных процессуальных действий в целях обеспечения, защиты нарушенных либо оспариваемых прав и свобод, охраны интересов государства и общества, обеспечения правопорядка и законности, а также предупреждения правонарушений.

В п.1 ст.55 ГПК РФ закреплено законодательное понятие доказательства, под которыми понимаются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Калпин А.Г. формулировал единое понятие судебных доказательств через связь сведений о фактах и средства доказывания, рассматривая их в качестве процессуальной формы и содержания.

В целях процессуальной ясности в ГПК РФ введен исчерпывающий перечень средств доказывания. Так, согласно ст. 55 ГПК РФ вышеуказанные сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Регламентированная триада критериев доказательства в гражданском процессе принимается теорией, и дискуссии в указанной части немногочисленны.

Многие ученые-процессуалисты, указывая на необходимость имплементации в ГПК РФ понятия доказательства из АПК РФ, отмечают, что исключение консультаций специалиста вряд соответствует целям процесса при его обозначении в качестве «фигуры процессуального пространства».

Основные требования гражданского процесса по вынесению законного и обоснованного решения суды мотивируют тем, что имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59 - 61, 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 года N 23 "О судебном решении").

Общие правила доказывания в гражданском процессе урегулированы положениями главы 6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Относимость и допустимость - два основных постулата для доказательств в гражданском процессе, влияющих на возможность поиска объективной истины. Процессуальная доктрина сформулировала лаконичное определение относимости доказательств как обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. В соответствии со ст. 59 ГПК РФ суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для дела. Следовательно, относимость доказательств - это наличие их значения для дела.

В то же время относимость доказательств предопределяет и их допустимость, так как не имеющее значения для дела доказательство не может быть допустимым.

В статье 60 ГПК РФ регламентировано понятие допустимости - обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. Формула допустимости является неким упорядочивающим моментом в процессе доказывания. Правопонимание сущности допустимости необходимо для стабильности

гражданско-правовых отношений в целом и недопустимости злоупотребления правом.

Относимыми будут доказательства, подтверждающие или опровергающие факты, указанные в диспозиции нормы материального права, которая регулирует спорные правоотношения.

В своих трудах М.А. Фокина, О.В. Иванов указывали на допустимость через источники получения данных и способы получения.

Положения ст.ст.59, 60 ГПК РФ были также предметом проверки Конституционного Суда РФ, который указал, что реализация предусмотренных статьями 59 и 60 ГПК Российской Федерации полномочий суда по оценке доказательств с точки зрения их относимости и допустимости вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и служит одним из проявлений дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия. Следовательно, указанные нормы, отсылая к другим положениям законодательства, закрепляющим императивное правило оценки судом допустимости доказательств в гражданском процессе, сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя (Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 N 807-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Мельникова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 59, 60, частями первой и второй статьи 98, частью третьей статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Верховный суд РФ в рамках своей компетенции по рассмотрению кассационных жалоб также высказывает свою позицию по делам на базе требований к доказательствам в части их относимости и допустимости. В силу положений статей 67, 71, 195 - 198 ГПК РФ суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и

абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости. В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные статьей 2 названного Кодекса (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2021 N 18-КГ21-93-К4).

Интересной представляется позиция суда (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2021 по делу N 88-25011/2021), раскрывающая принцип диспозитивности гражданского процесса. В силу требований этого принципа суд не может быть более заинтересован в защите прав сторон, чем сами эти стороны. Доказательственная деятельность, в первую очередь, связана с поведением сторон, процессуальная активность которых по доказыванию ограничена процессуальными правилами об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств.

В судебных актах кассационной инстанции достаточно часто доводы жалобы отклоняются со ссылкой на то, что доводы по оценке доказательств, представленных в материалы дела, подлежат отклонению, поскольку вопрос относимости, допустимости, достоверности и полноты доказательств разрешается судами первой и апелляционной инстанций в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств дела, и в соответствии с частью 3 статьи 390 ГПК РФ не входит в круг вопросов, рассмотрение которых относится к компетенции суда, рассматривающего дело в порядке кассационного производства (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2019 N 88-311/2019).

Представление доказательств в гражданском процессе возможно рядом процессуально обозначенных способов, к которым можно отнести представление доказательств лицами, участвующими в деле (ст. 66 АПК РФ); истребование доказательств по запросу суда, основанному на ходатайстве лиц,

участвующих в деле (ст. 57 ГПК РФ, ст. 66 АПК РФ); ознакомление с письменными доказательствами (ст. 162 АПК РФ); осмотр вещественных доказательств (ст. 58 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ); назначение экспертизы (статьи 79, 80 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ); судебное поручение (ст. 62 ГПК РФ, ст. 73 АПК РФ); заслушивание или оглашение объяснений лиц, участвующих в деле, постановка перед ними вопросов (ст. 174 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ); допрос свидетеля (статьи 176 - 180 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ); оглашение заключения эксперта и постановка вопросов перед ним (ст. 187 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ) и некоторые другие.

Цифровизация всех сфер нашей деятельности внесла коррективы и в доказательственное право в части новых форм доказательств, таких, как скриншоты. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" с целью единообразного толкования судами допустимости доказательств дано указание о том, что являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ). В диссертационном исследовании Е.П. Русаковой изучены аспекты доказательственного значения скриншотов в контексте цифровизации процесса⁴⁵. Указанная научная работа имеет огромное прикладное значение не только для доктрины, но и судебной системы, выступая фундаментальным исследованием всех признаков скриншотов и электронных доказательств с целью раскрытия терминологического содержания и единых подходов в толковании. Концепция цифровизации в

---

⁴⁵ Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран. http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=65&mod=dis&dis_id=3293

нашей стране в условиях тотальных санкций, реализация проекта по созданию национального озера данных потребует особой регламентации работы с персональными данными и фиксацией информации в любой форме.

Необходимо констатировать, что доказательственное право в России является достаточно проработанным и очень многое на этом этапе зависит от грамотности участников процесса, соблюдения ими требований по добросовестному использованию процессуальных прав и недопустимости злоупотребления правом в целом.

Все стадии судебного разбирательства затрагивают вопросы относимости и допустимости доказательств.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 (ред. от 09.02.2012) "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству" (пункт 8) предусмотрено, что доказательства, представленные сторонами и другими лицами, участвующими в деле, проверяются судьей на их относимость (статья 59 ГПК РФ) и допустимость (статья 60 ГПК РФ).

Судье следует во всех случаях предлагать сторонам указать, какие именно обстоятельства могут быть подтверждены этими доказательствами. Принятие доказательств, которые не могут являться средствами доказывания (в частности, показания свидетелей в соответствии с частью 1 статьи 162, частью 2 статьи 812 ГК РФ), недопустимо.

Невыполнение указанных требований влечет различные правовые последствия, включая меры дисциплинарной ответственности для судьи (решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N ДК19-81).

В соответствии с п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 N 13 (ред. от 09.02.2012) "О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции", исходя из принципа процессуального равноправия сторон и учитывая обязанность истца и ответчика подтвердить доказательствами те обстоятельства, на которые они

ссылаются, необходимо в ходе судебного разбирательства исследовать каждое доказательство, представленное сторонами в подтверждение своих требований и возражений, отвечающее требованиям относимости и допустимости (статьи 59, 60 ГПК РФ).

Зачастую невыполнение требований п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 выступает основанием для отмены судебного акта. В качестве примера можно привести Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 15.02.2017 N 44Г-8/2017. Апелляционное определение Тульского областного суда от 26.01.2022 по делу N 33-101/2022, напротив, выступает в качестве образца соблюдения судом первой инстанции требований ГПК РФ в части рассматриваемых норм. Дав оценку вышеуказанному заключению эксперта, суд первой инстанции обоснованно принял его в качестве допустимого и достоверного доказательства по делу, так как данное заключение полно, научно обоснованно, удовлетворяет требованиям статей 59, 60 ГПК РФ о допустимости и относимости доказательств, составлено специализированной организацией на основании определения суда о назначении судебной экспертизы.

Рекомендация N CM (2018) 169 Комитета министров Совета Европы "Об электронных доказательствах в производствах по гражданским и административным делам" (Принята 30.01.2019 на 1335-ом заседании представителей министров) включает раздел об относимости доказательств, в котором предусмотрено, что судам необходимо активно участвовать в управлении электронными доказательствами, в частности, чтобы избежать чрезмерного или надуманного предоставления электронных доказательств или их запроса.

Процессуальная форма судебного доказательства - это то, во что облечены (объективированы) указанные сведения, т.е. это их материальный носитель (закон именует их средствами доказывания).

М.К. Треушников допустимость раскрывает через определенную совокупность правил, закрепленных положениями различных отраслей права, содержащими прямое предписание суду и сторонам о недопустимости в случае спора использования определенных средств доказывания или форму предписания суду по установлению фактических обстоятельств дела определенными средствами доказывания.

Изучение вопросов относимости и допустимости доказательств имеет приоритетное значение в объеме проводимого исследования в целях формирования концепции создания стандарта доказывания по страховым спорам.

Автор считает возможным предложить следующую концепцию относимости и допустимости доказательств форм злоупотребления правом в страховых спорах.

Признание заключений эксперта недопустимым доказательством по спорам, вытекающим из правоотношений обязательного страхования автогражданской ответственности, если потерпевшим нарушены требования ФЗ РФ №40-ФЗ Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 01.04.2022) "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" в части представления транспортного средства на осмотр с указанием на его нетранспортабельность и одновременной эксплуатацией транспортного средства. Такие действия потерпевшего подлежат квалификации в качестве злоупотребления правом, а от страховщика требуют использования стандарта доказывания такого злоупотребления.

Элементами стандарта доказывания будут выступать: представление отзыва на исковое заявление с изложением хронологии фактов и действий сторон применительно к требованиям ФЗ РФ №40-ФЗ «Об ОСАГО», представление доказательств организации осмотра транспортного средства и уклонение или непредставление транспортного средства на осмотр. В указанной части к доказательству факта уклонения будут предъявляться требования по его оформлению и фотофиксации прибытия страховщика в

указанное место с привязкой геолокации или иной привязкой к местности и фиксации времени, оформление акта с рекомендацией о включении в акт свидетелей в целях последующего допроса.

Проблемным с точки зрения доказывания выступает ограниченные возможности страховщика в части получения доказательств последующего передвижения транспортного средства. Такими средствами доказывания могут выступать материалы фотофиксации по системе «Поток», штрафы.

Еще в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. N 58 "О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (пункт 18) суд указал, что если страховщиком не произведен осмотр и (или) независимая техническая экспертиза в связи с представлением потерпевшим недостоверных сведений о том, что характер повреждений исключает представление поврежденного имущества или его остатков для осмотра или независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) по месту нахождения страховщика и (или) эксперта, то при разрешении спора заключение независимого эксперта, представленное потерпевшим в подтверждение своих требований, может быть признано судом недопустимым доказательством.

Основаниями для признания заключения эксперта недопустимым доказательством может выступать его составление до истечения срока, предусмотренного ФЗ РФ №40-ФЗ «Об ОСАГО» для выполнения страховщиком обязательств, например, на следующий день после даты события.

Единообразный подход в оценке судами доказательств по вышеуказанным критериям недопустимыми повысил бы уровень добросовестности в страховых правоотношениях.

2.2. Оценка доказательств

Закрепление в статье 67 ГПК РФ концепции оценки доказательств, согласно которой суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств обусловило развитие доктринального подхода о роли независимого и властного субъекта – суда.

Процесс оценки сопряжен не только с процессуальной деятельностью, а предполагает собой особую познавательную деятельность судьи по исследованию всех материалов, сопоставлению, выявлению закономерностей, связей, противоречий и установлению конкретных фактов.

В.В. Ярков придерживается позиции, что все участники процесса вовлечены в процесс оценки доказательств в той или иной степени. Такая позиция представляется обоснованной с точки зрения влияния участника процесса на внутреннее убеждение судьи на каждой стадии процесса, начиная с момента изучения искового заявления судом для решения вопроса о принятии иска к производству.

Другие ученые полагают, что исключение оценки из процессуального механизма не повлияет на законность решения, так как не исключит пороки в доказательственной базе.

Внутреннее убеждение ограничено законодателем условиями о всестороннем, полном, объективном исследовании доказательств. Правовая формула, предложенная с точки зрения юридической техники, предусматривает максимально возможные условия для установления объективной истины, но ограничена с точки зрения субъективизма в объеме формулировки «внутреннее убеждение», на которое влияет психотип судьи, навыки и знания, культура, стереотипы, позволяющие формировать умозаключения в «плёну этих ограничений».

В.В. Спесивов предложил ввести в процессуальное законодательство понятие оценки доказательств судом.

И.В. Решетникова в своих трудах указывает, что внутреннее убеждение суда при оценке доказательств уходит корнями в принцип свободной оценки доказательств: никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ), каждое доказательство подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами. Такая точка зрения относительно правовой природы и идеологии законодателя формирует доверие.

Правовая формула оценки доказательств, закрепленная в статье 67 ГПК РФ, содержит важный постулат, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы.

Применительно к страховым спорам оценка доказательств нуждается в дополнительном исследовании с учетом возникающих сложностей в доказывании фактов злоупотребления правом.

Возникшая после распространения положений Закона РФ «О защите прав потребителей» на страховые правоотношения волна исков псевдопотребителей и недобросовестных страхователей, которые на разных этапах возникновения и исполнения договора страхования используют этот вид правоотношений в целях получения максимальной выгоды за счет перечня штрафных санкций, предусмотренных законом, создавая препятствия в исполнении страховщиком условий договора, повлияла на правосознание судейского сообщества. К сожалению, суды осторожно применяют положения ст.10 ГК РФ в части квалификации действий недобросовестных страхователей, что создало бы правовые препятствия в использовании судебной защиты для легализации недопустимых действий.

Автор считает ценной позицию судьи Верховного суда РФ Момотова В.В., который в своих научных трудах обозначил вопрос о злоупотреблении

правом в страховании и проводил анализ действующего правового регулирования сущности и последствий злоупотребления правом⁴⁶.

Предмет доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах предопределяет последующую оценку доказательств. Использование методики доказывания обстоятельств в их хронологической последовательности возникновения способствует формированию устойчивого внутреннего убеждения судьи явного злоупотребления правом.

Следует помнить, что предмет доказывания по делу, правовая категория процессуального законодательства включает факты, значимые для правильного разрешения дела. Различные подходы в классификации юридических фактов для доказывания позволяют выделить их по разным критериям, например, юридические факты материально-правового, процессуально-правового характера и иные. На этапе установления судом юридических фактов материально-правового характера, страховщик зачастую сталкивается с проблемой толкования положений ст.944 и 945 ГК РФ в их системной взаимосвязи.

Дискуссионным является вопрос о влиянии закрытого перечня доказательств на институт оценки. В страховых спорах этот аспект вызывает сложности при использовании полученной информации в сети Интернет, например, о фактах предшествующей продаже строения за стоимость в 5-10 раз ниже, чем заявленная на этапе страхования стоимость строения в части доказывания факта представления заведомо ложных сведений и нарушения информационных обязанностей страхователем.

Оценка доказательств – это окончательный этап процесса доказывания на стадии первой инстанции, который направлен на поиск объективной истины, процесс проверки требований об относимости, допустимости и достаточности доказательств для конкретного вывода по заявленным требованиям в целях защиты нарушенного или оспариваемого права.

---

⁴⁶ Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях (Момотов В.В.) ("Мировой судья", 2017, N 11)

Судебная практика свидетельствует, что правила оценки доказательств в страховых спорах по злоупотреблению правом достаточно жесткие по отношению к специальному субъекту - страховщику, что мешает установлению объективной истины и вынесению законного судебного акта.

Так, согласно Апелляционному определению Тверского областного суда от 07.07.2016 по делу N 33-2940/2016 по требованию о признании договора страхования жизни заемщика недействительным, применении последствий недействительности сделки, суд указал, что доводы, согласно которым со стороны ответчика, являющегося стороной спорного договора, имело место злоупотребление правом по мотиву неинформирования истца, что лицом по оспариваемой сделке не является ПАО "Сбербанк", являлись предметом рассмотрения суда первой инстанции. Довод подателя жалобы, согласно которому суд не оценил имеющееся в деле заключение Роспотребнадзора, отклоняется судебной коллегией, поскольку в рассматриваемом споре основания заявленного иска не были связаны с фактом нарушения ответчиком прав потребителя, предусмотренных действующим законодательством о защите прав потребителей, поэтому у суда отсутствовала обязанность оценивать вышеуказанное заключение.

Указанный судебный акт может свидетельствовать о реальной проблеме неправильного формирования доказательственной базы страховщиком и представления неотносимых доказательств, а не порока оценки со стороны суда, что зачастую возникает из-за ошибок представителей.

Другой пример судебного решения (Апелляционное определение Мурманского областного суда от 07.07.2021 N 2-16/2021, 33-1768/2021) указывает, что суды включают вопросы злоупотребления в предмет доказывания. Так, суд указывает, что к обстоятельствам, имеющим значение для правильного разрешения спора, относятся не только вопросы, связанные с соотношением действительного ущерба и размера выплаченного в денежной форме страхового возмещения, но и оценка на соответствие положениям статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации действий

потерпевшего и (или) страховой компании, приведших к такому способу возмещения вред.

Также судами при оценке доказательств учитывается факт исполнения требований о добросовестности стороны (решение Армавирского городского суда по делу № 2-228/2020 от 27 февраля 2020 г. по иску Феневой Е.В. к АО «МАКС», в котором суд оценивая доказательства пришел к выводу о том, что ответчик необоснованно не исполняет свои обязательства по выплате истце страхового возмещения, что грубо нарушает её права как потребителя, т.е. в данном случае судом установлено злоупотребление правом страховой компании.

Примером оценки доказательств по процессуальным злоупотреблениям правом со стороны страховщика является решение Ленинского районного суда г.Тюмени от 26.10.2018 года по иску Нагорнова Ю.П. к ПАО СК «Росгосстрах» о взыскании страхового возмещения, согласно которому суд учел, что истец изменил размер исковых требований после проведения судебной экспертизы, тем самым, злоупотребляя своими процессуальными правами, уменьшил сумму исковых требований, суд находит расходы подлежащими уменьшению пропорционально удовлетворенной части иска, исходя из размера первоначальных требований.

Авторское мнение, что в связи с введением института финомбудсмена одной из форм злоупотреблений правом в страховании представляет собой попытку оспаривания его решения путем назначения повторной экспертизы без выполнения требований ст.87 ГПК РФ, несмотря на указание Верховного Суда РФ, что эти правила для таких споров обязательны. В таких случаях оценка судами доказательств обременена такими условиями и требует единообразного применения, что не достигнуто на данном этапе и требует внимания Верховного Суда РФ.

Реальное наполнение и воплощение запрет злоупотребления правом приобретает именно через судебную практику. Верховный Суд Российской Федерации как единственный судебный орган, наделенный полномочиями по

официальному обязательному толкованию правовых норм в целях обеспечения единообразия судебной практики, всегда уделял и уделяет особое внимание вопросам добросовестности и противодействия злоупотреблению правом.

Следует отметить, что правоприменительная практика предшествующего периода легализовала образ слабого контрагента в лице страхователя, указав на применимость принципа *contra proferentem* в части толкования условий договора в пользу потребителя и высокие штрафные санкции для страховщиков в случае нарушений. Указанный принцип нашел отражение в пункте 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора".

Таким образом, стереотип «слабая сторона» повлиял на процесс оценки доказательств в страховых спорах, включая внутреннее убеждение судей о повсеместно допускаемых нарушениях прав страхователей - потребителей со стороны страховщика, а применение положений ст. 10 ГК РФ является крайней мерой для такого вида правоотношений. Однако, настоящее исследование позволяет на конкретных примерах судебной практики обосновать тезис, что процесс оценки доказательств начинается с мотивированного искового заявления или возражений на него с представлением доказательств или использованием института истребования доказательств (ст. 57 ГПК РФ), соблюдением требований об относимости и допустимости доказательств.

2.3. Особенности использования отдельных средств доказывания

Система средств доказывания является процессуальным оформлением результатов доказательственной базы, которая нацелена на установление фактических данных.

Требования к процессуальной форме и перечню средств доказывания устанавливаются в конкретной правовой системе в процессуальном законодательстве.

В нашей правовой системе перечень средств доказывания в гражданском процессе является исчерпывающим и закреплен в статье 55 ГПК РФ и включает: объяснения сторон, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, заключения экспертов, аудио- и видеозаписи.

Для страховых споров характерен свой «набор» средств доказывания.

Анализ судебной практики показывает, что наибольшую составляющую в системе средств доказывания занимают заключения экспертов, составленные как на всех этапах урегулирования убытков, так и в стадии рассмотрения обращений к финомбудсмену и на судебной стадии.

Безусловно, такая особенность возникает, исходя из специфики споров, осложненных потребностью в привлечении специальных познаний в области автотехники, медицины.

Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами (ст. 60 ГПК РФ).

Положения ст. 79 ГПК РФ предоставляют судам право при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, назначить экспертизу.

Особенностью средств доказывания с использованием положений ст. 79 ГПК РФ выступает правильная формулировка поставленных перед экспертом вопросов. Так, ярким примером по спорам, возникающим из правоотношений по договору ОСАГО является определение перечня повреждений транспортного средства, зафиксированного в акте осмотра, организованного страховщиком, поскольку ФЗ РФ №40-ФЗ «Об ОСАГО» не предусматривает альтернативы по исполнению указанной обязанности.

В силу абзаца четвертого пункта 11 статьи 12 ФЗ РФ №40-ФЗ «Об ОСАГО» в случае непредоставления потерпевшим поврежденного имущества или его остатков для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) в согласованную со страховщиком дату в соответствии с абзацами первым и вторым данного пункта потерпевший не вправе самостоятельно организовывать независимую техническую экспертизу или независимую экспертизу (оценку) на основании абзаца второго пункта 13 этой статьи, а страховщик вправе вернуть без рассмотрения представленное потерпевшим заявление о страховом возмещении или прямом возмещении убытков вместе с документами, предусмотренными правилами обязательного страхования.

По таким страховым спорам для назначения и проведения судебной экспертизы могут и должны представляться иные средства доказывания, такие, как видеозаписи, фотографии.

Из Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 N 88-1686/2021, 2-119/2020 следует, что суд при оценке доказательств и учете преимущества доказательству стороны суд учитывал, что они не соответствуют требованиям, предъявляемым ФЗ "Об оценочной деятельности в РФ", неинформативны, основаны не на всей совокупности материалов дорожного транспортного происшествия, не содержат сведений об исследовании видеозаписи или основаниях не принятия к исследованию указанного видеоматериала, который в силу абзаца 2 части 1 статьи 55

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации с учетом вышеизложенных оснований суд относит к числу доказательств по делу.

При этом, суды, оценивая доказательства по страховым спорам, учитывают требования к субъекту экспертной деятельности, в частности, наличие профессиональной аттестации (Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.12.2021 по делу N 88-27949/2021).

Заключение специалиста, используемое страховщиком для доказывания форм злоупотребления правом, ГПК РФ не относит к средствам доказывания и суды отражают эти выводы в решениях. Так, в решении Пушкинского городского суда Московской области от 18.09.2019 по делу N 2-3105/2019 суд отразил, что в силу ч. 3 ст. 188 ГПК РФ специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда. В отличие от заключения эксперта закон не относит консультацию специалиста к числу средств доказывания, используемых в гражданском процессе (абз. 2 части 1 статьи 55 ГПК РФ).

Возникает вопрос, насколько оправдан был такой подход законодателя по исключению заключений специалиста при включении его фигуры в процессуальную плоскость? Полагаю, что в указанной части ГПК РФ требует доработки по включению заключения специалиста в перечень доказательств. Такое предложение аргументировано тем, что суды приобщают заключения специалиста к материалам дела, дают ему оценку, получают консультацию, которая, безусловно влияет на внутреннее убеждение судьи и последующую оценку.

Какие критерии при оценке доказательств, в частности по такому средству доказывания в страховых спорах, как заключение эксперта, учитывает суд? В судебных актах встречаются формулировки о проведении экспертизы «квалифицированным и не заинтересованным в исходе дела экспертом, имеющим высшее образование по профильным экспертным

специальностям, длительный стаж экспертной деятельности и предупрежденным в установленном законом порядке об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем свидетельствует его собственноручная подпись в соответствующей подписке».

В условиях объективной действительности проблемой является реализация права на отвод эксперту, поскольку суды общей юрисдикции не всегда не оглашают экспертное учреждение, куда назначают экспертизу.

Из анализа судебной практики можно сделать вывод, что доказать злоупотребление правом возможно в случаях, когда сторона договора не выполнила действия, предусмотренные законом, договором страхования или правилами страхования, являющиеся неотъемлемой частью договора страхования.

В качестве примера можно привести такое действие потребителя как не представление страховщику реквизитов для перечисления страхового возмещения, непринятие действий, связанных со снятием транспортного средства с учета, неисполнение обязанности по представлению документов, оговоренных в правилах страхования, являющихся обязательными при подаче заявления о наступлении события, обладающего признаками страхового случая, представление Страховщику заведомо ложных сведений относительно состояния здоровья, закрытие счета на следующий день после подачи заявления о наступлении события, представление доказательств, полученных с нарушением требований закона.

Так, например, ООО «СК «ВТБ Страхование» обратилось в суд с иском к Алексееву А.В., Алексеевой Н.В., указав, что Алексеев А.В. для получения страхового возмещения, заявил истцу о своей травме. При этом Алексеев А.В. заявил о выплате страхового возмещения не по одному договору страхования, как это предусмотрено условиями страхования истца, а по двадцати двум договорам. В ходе рассмотрения заявлений Алексеева А.В. было установлено,

что он в обход публичного предложения истца (один застрахованный, один договор, одна страховая выплата по одному страховому случаю), застраховался по 22 договорам страхования и требует по одному страховому случаю не одну страховую выплату, а двадцать две страховых выплаты. Факт, что Алексеев А.В., как конкретный гражданин, был застрахован не по одному, а по 22 договорам, истец установил только после получения от него заявлений о его травме и выплате страховых возмещений, к которым была приложена копия паспорта, содержащего сведения о личности ответчика.

Злоупотребление правом, при оформлении договоров страхования, и нарушение запрета, установленного ст. 10 ГК РФ, подтверждают возражения на иск, в ноябре 2019, исходя из буквального толкования текста возражений на иск, была попытка оформить, в обход публичного предложения истца, предполагающего заключение через сайт истца одного полиса на одного застрахованного, не один полис, а очередной пакет полисов, но измененное программное обеспечение Сайта не позволило осуществить это злоупотребление правом.

Из объяснений истца установлено, что изменение программного обеспечения Сайта, изначально предполагавшего добросовестность пользователей, было обусловлено неоднократными аналогичными злоупотреблениями со стороны различных пользователей с рядом из которых договоры страхования уже признаны недействительными.

По мнению суда, Алексеев А.В. не был ограничен в своем волеизъявлении, и вправе был не принимать на себя обязательства по договору страхования. Оплата и подписание полисов страхования, по программе выезжающих за пределы постоянного места жительства свидетельствует о том, что Алексеев А.В. осознанно и добровольно принял на себя обязательства по договору страхования, что он прочел и полностью согласен, подтвердил, что предоставленная ему информация страховщику была полной и достоверной. Данные обстоятельства свидетельствуют, что, приобретая вышеуказанные полисы по программе выезжающих за пределы постоянного

места жительства, Алексеев А.В. намеренно заключил с ООО СК «ВТБ Страхование» двадцать два договора с целью увеличения размера расходов Страховщика в случае наступления страхового события. / Решение Балашихинского городского суда Московской области от 19.11.2019 N 2-5363/2019~М-4585/2019/.

Применения такого средства доказывания как свидетельские показания направлены на установление не только юридически значимых обстоятельств по делу, но и на установление в действиях Истца признаков злоупотребления правом, выраженном в противоречивом поведении и сокрытии от Страховщика и суда юридически значимых обстоятельств, влияющих на объем прав и обязанностей стороны по делу. Стоит учитывать, что свидетель предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний в порядке ст. 176 ГПК РФ.

В одном из дел, Судебная коллегия по гражданским делам отметила, что не может не обратить внимание, что только после проведения судебной экспертизы ООО "Центр технической экспертизы", когда эксперт в заключении отразил, что единовременное образование повреждений автомобиля при заявленных обстоятельствах исключается, и вынесения решения суда об отказе в удовлетворении иска, истцом представлены фотоизображения с места дорожно-транспортного происшествия в целях определения высоты снежного покрова, выполненные в светлое время суток без указания даты осуществления фотосъемки и без привязки к объектам, позволяющей определить место съемки.

Также судебная коллегия отметила, что только после вынесения решения водитель А.А. представил суду письменные пояснения по ДТП с подробным описанием обстоятельств ДТП, однако указывая уже на три столкновения с ограждением и три соприкосновения со снежным бордюром, делая акцент на крен автомобиля при столкновениях из-за высокого снежного вала. Однако из объяснения А.А. непосредственно после ДТП и из показаний

свидетеля - инспектора ДПС З.Д. - в судебном заседании следует, что А.А. допустил столкновения с отбойником дважды.

Указанные действия истца и третьего лица, по мнению судебной коллегии, носят признаки злоупотребления правом (Апелляционное определение Липецкого областного суда от 03.10.2018 по делу N 33-3486/2018). В рассматриваемом деле, помимо свидетельских показаний были использованы такие средства доказывания как заключение эксперта, полученного в порядке ст. 86 ГПК РФ.

В процессе исследования доказательств и установления юридически значимых обстоятельств, суд может по ходатайству стороны, или самостоятельно прийти к выводу о необходимости получения сведений о фактах и обстоятельствах путем назначения по делу судебной экспертизы и поручения экспертизы конкретному эксперту. Эксперт является субъектом гражданского процессуального правоотношения и в соответствии с законом имеет процессуальные права и несет процессуальные обязанности. Равно как и свидетель, эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения на основании ст. 171 ГПК РФ.

Использование письменных доказательств в качестве средств доказывания предполагает их оценку на предмет относимости и допустимости, а также на наличие в указанных доказательствах сведений о фактах. Необходимо учитывать, что правило об относимости доказательств не равно с его достаточностью, при исследовании относимости доказательства не может одновременно решаться вопрос о его достаточности.

Одним из примеров злоупотребления правом применительно к договору страхования является представление в суд заведомо недопустимых доказательств. В своем определении Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда пришла к выводу о том, что в действиях истца имеется злоупотребление правом, выразившееся не только в действиях, направленных на изменение формы страхового возмещения, но представление в суд заведомо недопустимых доказательств. Так, суд апелляционной

инстанции критически оценил представленное истцом заключение независимой оценки стоимости восстановительного ремонта транспортного средства, указав, что она была проведена ООО "Авто Юр помощь" в нарушение установленного законодательством запрета, так как ранее ООО "Авто Юр помощь" была выдана доверенность на право представления интересов Х., в том числе в суде. Данные действия противоречат устанавливаемым законом требованиям к независимости оценщика, поскольку фактически допускают использование результата оценки при оказании заказчику иных услуг, связанных с взысканием денежных средств на основании подготовленного самим исполнителем отчета об оценке, что, соответственно, предполагает его заинтересованность в результатах оценки.

С учетом всех обстоятельств по делу, исследовав представленные сторонами доказательства и дав им надлежащую правовую оценку, суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу об отказе в удовлетворении исковых требований Х., указав на злоупотребление правом со стороны истца, поскольку поведение Х. свидетельствует, что истец фактически не был заинтересован в получении страхового возмещения в натуральной форме путем ремонта поврежденного автомобиля на СТОА ответчика (Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 19.09.2019 по делу № 33-33982/2019).

Таким образом, можно сделать вывод, что использование письменных доказательств в обоснование своей правовой позиции, полученных в обход закона, является злоупотреблением правом, а представленные документы признаются судом недопустимыми доказательствами по делу.

Помимо письменных доказательств, свидетельствующих о злоупотреблении правом, представленных стороной Истца, со стороны Страховщика могут быть представлены письменные доказательства, которые содержат сведения о фактах злоупотреблений, например, при заключении договора личного страхования.

В судебной практике чаще встречаются случаи отказа в защите нарушенного права по договору личного страхования страхователю, сообщившему страховщику недостоверные сведения при заключении договора, которые имели существенное значение для заключения договора страхования.

В качестве примера можно привести доказательство в виде анкеты – заявления на страхования, которая является основанием для заключения договора страхования. В деле Мороз Г.Е. ООО "Капитал Лайф Страхование Жизни" суд установил, что при заключении договора страхования жизни, здоровья и трудоспособности от 14 декабря 2017 г. Мороз Г.Е. сообщила ООО "СК "РГС-Жизнь" недостоверные сведения об отсутствии инвалидности, что подтверждается заполненной и собственноручно подписанной основной анкетой к договору от 14 декабря 2017 г.

Указанные обстоятельства расценены судом первой инстанции как злоупотребление правом со стороны Мороз Г.Е., намеренно сообщившей страховщику недостоверные сведения при заключении договора, которые имели существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления. Оценивая доводы истца о том, что анкета не относится к договору страхования, суд первой инстанции указал, что, согласно объяснениям истца, данным в ходе рассмотрения дела, иные договоры 14 декабря 2017 г., в рамках которых заполнялись анкетные сведения, М.Г. не заключала, кроме того, анкета истребована у ответчика совместно с договором (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2020 по делу N 88-5344/2020).

Из системного анализа судебной практики можно сделать вывод об эффективности использования института злоупотребления правом, однако применение судами последствий недобросовестного поведения в виде отказа в защите нарушенного права должно сопровождаться определенными

средствами доказывания в каждом конкретном деле, исходя из общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом.

Глава 3: Особенности доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах

3.1. Понятие и цели доказывания

Выяснение целей судебного доказывания в гражданском процессе можно считать одной из наиболее дискуссионных и актуальных проблем в современной процессуальной науке, которая, совершенно очевидно, связана с пониманием и уяснением главных принципов правосудия, используемых для выяснения действительных обстоятельств дела.

Ученые-процессуалисты считают, что цели доказывания необходимы для правильного и своевременного установления фактических обстоятельств дела позволяет устранить расхождения между сторонниками объективной истины и истины формальной.

Следует также выделить подход правоприменителя, содержащий буквальное толкование положений закона о подписании договора, заключаемого с использованием онлайн-технологий. В одном из дел суд отказал в признании договора страхования заключенным, поскольку стороны обменивались электронными образами документов, не имеющими оригиналов, и, в нарушение норм действующего законодательства, не подписанными ни простой, ни усиленной электронной подписью страховщика, указав при оценке доказательств, что молчание, согласно положениям ст. 438 ГК РФ, не является акцептом.

Одной из особенностей доказывания по делам указанной категории выступает возложение бремени доказывания истца, заявляющего требования о заключенности либо о незаключенности договора страхования. Такая процессуальная идеология позволяет следовать принципам законности, состязательности и равноправия сторон в страховых спорах, поскольку одной из сторон выступает такая научная категория, как «слабая сторона» или потребитель. Однако, в делах о заключенности зачастую под «маской»

«слабой стороны» скрывается профессиональный недобросовестный страхователь.

Каждый компонент механизма доказывания по страховым спорам составляет социально-правовое явление и облечен в рамки процессуальной формы.

Рассматривая цель доказывания по делам о злоупотреблении правом со стороны страховщика, следует выделить такие формы злоупотребления, как нарушение сроков урегулирования и запрос документов вне перечня согласованных условий договора. Цель состоит в общей превенции недопустимости нарушений в отношении страхователя.

Приводя в качестве оснований классификации злоупотребления стадии заключения договора, можно выделить такие формы злоупотребления: сообщение страхователем недостоверных сведений относительно существенных условий договора, например, режима охраны или пожарной безопасности.

Увеличение количества судебных споров, осложненных элементами мошеннических действий за 2019-2022 гг., повлияли на процедуру доказывания со стороны страховщиков и представление максимального количества доказательств, использование таких процессуальных средств доказывания, как иски о недействительности договоров и незаключенности, внесли баланс в правоотношения сторон договоров страхования и восполнили пробелы правового регулирования в данной области. Так, в судебной практике появились прецеденты о недействительности договоров страхования, анализ которых позволяет сделать вывод об использовании в методике доказывания представления доказательств на базе хронологии возникновения и развития правоотношений, при этом страховщики смогли преломить подход правоприменителей к толкованию «заведомо ложных сведений» в качестве уголовно-правовой дефиниции с требованием представления относимых доказательств – вступившего в законную силу приговора суда, а осознанно разграничивали и восполнили пробел правового регулирования указанной

категории. Наиболее интересным представляется подход судов по признанию договоров страхования недействительными с использованием института злоупотребления правом со стороны страхователя. Правовой симбиоз статей 10, 179 и 944 ГК РФ создал устойчивую форму противодействия недобросовестности со стороны страхователей, изобличил псевдоинтерес в страховании. Одним из интересных судебных кейсов выступает гражданское дело по иску Устюжанин А.Ю. к ООО «СК «Согласие» о взыскании страхового возмещения и по встречному иску ООО «СК «Согласие» к Устюжанину А.Ю. о признании договора страхования недействительным. Только при втором круге рассмотрения дела суды признали договор страхования недействительным с применением положений ст.10 ГК РФ, установив всю цепочку действий сторон правоотношения. Во внимание был принят факт, что история страхования приобретает «фантастический» аспект, связанный с целенаправленным введением страховщика в заблуждение путем представления договора подряда на строительство дома стоимостью 36 млн. рублей, переданных наличными страхователем неизвестным строителям, наличию у страхователя - миллионера многочисленных исполнительных производств по долгам за коммунальные услуги, искусственной подсудности и т.д.

Наибольшее количество судебных споров о недействительности договоров страхования в 2019-2021 гг. связано со страхованием жилых домов и личных страхованием. Острой проблемой остается регулирование вопросов начала течения срока исковой давности при заявлении требований о недействительности договоров страхования, что для целей доказывания представляет важность с точки зрения правильного применения положений ст.200 ГК РФ.

Особый характер споров о недействительности договоров основан на уникальной оценочной природе самих правовых дефиниций, которые выступают базисом в регулировании недействительности договора страхования. Интересен опыт правового регулирования Англии, где

последствия зависят от намеренности нарушения (deliberate or reckless) страхователем информационной обязанности. Именно время цифровых решений способствует принятию решений о классификации требований к информационным обязанностям страхователя, субъектному составу, имплементации положительного зарубежного опыта.

Автором отмечается, что решение проблем унификации и единообразия в доказывании и оценке форм злоупотребления правом остается актуальным для исследования, а также на уровне рассмотрения конкретных судебных споров. Такая ситуация обусловлена постоянным совершенствованием приемов, используемых недобросовестными страхователями и автоюристами.

Попытка решения данных вопросов была реализована в Обзорах практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по разным видам страхования, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ (включая Обзор от 05.06.2019 г.). Соответственно, потребность единообразного подхода судами в рассмотрении этой категории дел была обозначена на высшем судебном уровне. Однако оценочность указанных категорий дел, правовая конструкция ст. 944 ГК РФ, неравное положение сторон, неприменение судами принципов добросовестности и недопустимости злоупотребления правом влияют на возможность защиты прав страховщика от действий недобросовестных страхователей и мошенников, скрывающихся под маской слабого потребителя до настоящего времени.

Вышеобозначенные аспекты повлекли потребность в переработке главы 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации, с изложением концепции ее реформирования. Применительно к положениям ст. 944 ГК РФ предложено более четкое изложение сути информационных обязанностей страхователя и введения гибкой системы последствий неисполнения обязанностей по примеру Великобритании и Германии.

Действующее процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит стандартов доказывания, в отличие от английского и американского права, предусматривающих критерий, согласно которому

судья выносит решение, обусловленное балансом простой вероятности. Отсутствие такой регламентации порождало некую правовую неопределенность и возвышало субъективную оценку над поиском объективной истины. Страховые споры, вытекающие из алеаторного обязательства, всегда затрагивают вопросы добросовестности и злоупотребления правом, предопределяя уникальность методик доказывания ввиду наличия у указанных институтов оценочной правовой природы. Внедрение онлайн-технологий, изменившее процесс заключения договора, идентификацию клиентов, с одной стороны, повысило доступность страхования, с другой – создало предпосылки для использования цифровых новшеств недобросовестными страхователями. Рамочное правовое регулирование информационных обязанностей страхователя, закрепленное в ст.944 Гражданского Кодекса РФ, не содержит классифицированной системы последствий. Российский законодатель счел оптимальным при установлении факта представления страховщику заведомо ложных сведений о существенных обстоятельствах возможность признания договора страхования недействительным и применения последствий, предусмотренных пунктом 2 статьи 179 Гражданского Кодекса РФ. При этом, методика доказывания факта представления заведомо ложных сведений не закреплена ни одним нормативно-правовым актом, но может быть сформулирована на базе судебных актов. Ее можно представить в виде математической формулы, в которой факт будет суммой недобросовестных действий страхователя, направленных на введение страховщика в заблуждение с обязательным установлением заведомости.

Классифицируя формы злоупотребления правом в страховых отношениях по субъекту (страхователь и страховщик), можно сформировать цель.

Так, целью доказывания злоупотребления правом в страховых спорах с фактом злоупотребления правом со стороны страхователя выступает защита принципа добросовестности в целом, и недопустимость реализации

недобросовестности конкретного страхователя, в частности. В судебной практике Верховного суда РФ формируется стандарт доказывания по делам о заключенности договоров страхования, который включает проверку согласованности существенных условий договора страхования. Так, в качестве одного из интересных прецедентов в данной категории выступает гражданское дело ООО «СК «Согласие» vs Оганнесян М. о признании договора страхования незаконным, недействительным. Судебные инстанции (первая и апелляционная) разошлись во мнениях относительно правовой квалификации фактов: незаконность или недействительность. Фабула дела основана на заключении электронного договора страхования с онлайн заполнением анкеты-опросника и выбором страхового продукта, в котором невозможно страхование объекта незавершенного строительства. При заполнении анкеты Оганнесян М. указал, что намерен застраховать объект завершенного строительства, указав его характеристики. Суд первой инстанции пришел к выводу, что стороны не согласовали существенные условия договора, в перечень которых включен объект страхования (статья 942 ГК РФ), а суд апелляции указал на недействительность договора, так как потенциальный страхователь представил страховщику заведомо ложные сведения по существенным условиям. Такая разница позиций правоприменителя обусловлена спецификой дела и приоритизацией установленных фактов.

3.2. Предмет доказывания

Общетеоретическое значение предмета доказывания по гражданскому делу представляет собой обстоятельства (юридические факты), устанавливаемые в целях разрешения дела по существу для защиты нарушенного или оспариваемого права.

В предмет доказывания факта злоупотреблением правом в страховых спорах входит установление обстоятельств заключения договора в виде наличия или отсутствия цели на заключение договора, установление факта согласования существенных условий договора страхования применительно к требованиям ст.942 ГК РФ, наличие действий стороны, превышающей пределы осуществления гражданских прав на любой из стадии реализации правоотношения, наличие реализованного вреда от допущенного злоупотребления правом и другие.

Предмет доказывания по страховым спорам сопряжен с основаниями исков, в которых зачастую истцы просят установить факт наступления страхового случая и взыскать сумму страхового возмещения. Суды неоднократно обращали внимание, что в компетенцию суда не входит установления факта наступления страхового случая, так как объем указанной компетенции в силу ст.929 ГК РФ предоставлен страховщику. Требования в указанной части подлежат правильному изложению, например, об обязанности признать случай страховым.

Одна из первых концептуальных позиций Верховного Суда РФ по вопросам злоупотребления правом в страховании была изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан". Так, согласно правовой позиции, изложенной в п. 20 указанного Постановления, при определении условий договора добровольного страхования имущества о франшизе стороны должны действовать добросовестно и не допускать злоупотребления правом. При этом,

в пункте п. 48 Постановления указано, что как злоупотребление правом необходимо квалифицировать бездействие страхователя (выгодоприобретателя), который при наступлении страхового случая не представляет банковские реквизиты, а также сведения, необходимые для осуществления страховой выплаты в безналичном порядке. Указанное толкование дефиниции «злоупотребление правом» в страховых отношениях предопределило вектор и рамки модели доказывания на все последующие годы, включая и предмет доказывания по страховым спорам.

Для доказывания форм злоупотребления правом важно то, что высшая судебная инстанция признала наличие проблемы и сформировала пример формы злоупотребления правом в страховых спорах как одно из оснований для применения положений ст.10 ГК РФ. Во-вторых, она закрепила принцип наивысшей добросовестности в части требований к действиям страховщика и сформировала указание для единообразия судебной практики.

Анализ судебной практики за период после утверждения Постановления Пленума Верховного Суда РФ №20 от 27 июня 2013 г. свидетельствует о постепенном создании фундамента квалификации действий страхователя в качестве недобросовестных с применением положений ст.10 ГК РФ.

Так, например, Апелляционным определением Московского областного суда от 30.10.2013 по делу N 33-23134/2013 во взыскании всех видов штрафных санкций с ОАО «Альфа Страхование» было отказано, так как было установлено, что за выплатой страхового возмещения не обращался. Претензия была направлена истцом ОАО «АльфаСтрахование» в ходе судебного разбирательства настоящего дела. Механизм доказывания формы злоупотребления правом в виде недобросовестных действий, направленных на получение штрафных санкций был достаточно простым, так как суд в порядке ст.56 ГПК РФ предложил представителю истца доказательства выполнения досудебного обращения к страховщику, чего не было сделано, что повлекло в последующем отказ в иске. То есть в данном случае доказывание было связано

с правильным определением судом обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу.

В дальнейшем, в 2015 г. было утверждено Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в котором в п.52 было указано, что если одна из сторон для получения преимуществ при реализации прав и обязанностей, возникающих из договора обязательного страхования, действует недобросовестно, в удовлетворении исковых требований этой стороны может быть отказано в той части, в какой их удовлетворение создавало бы для нее такие преимущества (п. 4 ст. 1 ГК РФ). При установлении факта злоупотребления потерпевшим правом суд отказывает в удовлетворении исковых требований о взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда (ст. 1 и 10 ГК РФ) (Определение N 49-КГ19-37, N 2-1883/2018).

Таким образом, правоприменитель распространил применимость последствий злоупотребления правом на правоотношения в области обязательного страхования автогражданской ответственности и достаточно широко протолковал границы его применения, что обусловлено особой правовой природой института злоупотребления правом и особенно в страховых спорах и связано с порядком регламентации правоотношений по ОСАГО, в котором правила поведения сформулированы достаточно четко, но возможна большая вариативность. Например, потерпевший не представляет транспортное средство на осмотр, ссылаясь на его конструктивную гибель и нетранспортабельность, однако при этом продолжает его эксплуатировать⁴⁷. Механизм доказывания такой формы злоупотребления правом основан на использовании института истребования доказательств (ст.57 ГПК РФ), который позволяет истребовать данные с системы «Поток» и подтвердить

---

⁴⁷ Решение Балахнинского городского суда Нижегородской области от 15.02.2021 по делу N 2-48/2021.

факт злоупотребления и представления заведомо недостоверной информации страховщику.

В последующем, аналогичные примеры судебных актов с использованием института злоупотребления правом в страховых спорах включались в Обзоры судебной практики Верховного суда РФ (пункт 29 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с ОСАГО, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г., в редакции от 26 апреля 2017 г.)

В Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017, (ред. от 26.04.2017) включено Определение по страховому спору о взыскании неустойки, в котором суд отменил судебные акты и указал, что, поскольку вопрос о наличии в действиях истицы признаков злоупотребления правом в нарушение статьи 56 ГПК РФ вообще не выносился на обсуждение участников процесса. Таким образом, Верховный суд РФ сформировал предпосылки для стандарта доказывания, не изменяя при этом его независимой роли и сохраняя принципы равноправия и состязательности сторон.

Российская процессуальная доктрина рассматривала вопросы доказывания с учетом, что неразрывным звеном злоупотребления правом является интерес, как базис субъективного гражданского права, существующий в рамках системы позитивного права, как абстрактное правило.⁴⁸ Так, судья Верховного суда РФ Момотов В.В. в своих трудах по противодействию злоупотреблению правом проводил анализ действующего правового регулирования сущности и последствий злоупотребления правом в страховых отношениях, что придало этому вопросу особое значение.⁴⁹

В настоящее время практика применения судами нормы о злоупотреблении правом в страховых спорах достаточно обширная, о чем

---

⁴⁸ Ermakova, E. P. International Economic Integration and the Evolution of the Principles of Civil Procedure / E. P. Ermakova, E. E. Frolova, E. V. Sitkareva // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 198. – P. 1589-1597. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_175.

⁴⁹ Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях (Момотов В.В.) ("Мировой судья", 2017, N 11)

свидетельствуют труды Скуратовский М.Л.⁵⁰, но сохраняется проблема «судебного усмотрения», что ведет к недостижению основной цели судебного процесса - защиты и восстановлению нарушенного права, и установлению объективной истины.

Предопределяющим фактором для процесса доказывания в настоящее время также выступает цифровизация всех сфер деятельности и сопутствующая ей проблема отставания судебной системы в использовании электронного правосудия⁵¹, несмотря на утвержденную 15.02.2021 Концепцию информатизации Верховного Суда Российской Федерации. Для целей доказывания в гражданском процессе важным полагаю закрепление в гражданском процессуальном законодательстве требований по модели заблаговременного раскрытия доказательств сторонами и последствий несовершения своевременных процессуальных действий. Также поправки в ГПК РФ при использовании суперсервиса «Правосудие онлайн» должны затронуть вопрос способа оглашения судом определений о назначении судебной экспертизы с целью реализации права на заявление отвода эксперту в порядке ст. 18 ГПК РФ, например, в формате публикации мотивированного определения. В настоящее время суды зачастую не оглашают определение и использовать институт отвода эксперта крайне затруднительно в страховых спорах.

Важным элементом доказывания форм злоупотребления правом выступает «преюдиция», нормативное применение которой закреплено в ст. 61 ГПК РФ, ст. 90 УПК РФ; ст. 64 КАС РФ и ст. 69 АПК РФ. В части гражданского процесса установленные вступившим в законную силу решением суда факты по недействительности или незаключенности договора страхования влекут последующий отказ в иске без дополнительного

---

⁵⁰ Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. М.: Волтерс Клувер, 2007. 200 с.

⁵¹ Разрешение финансовых споров в странах АТР : (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония) / Ю. А. Артемьева, Е. П. Ермакова, Н. В. Ивановская [и др.]. – Москва : Инфотропик Медиа, 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-9998-0311-5.

доказывания. В рамках электронного правосудия допустимо было бы легализовать ссылку на карточку судебного дела без представления заверенных копий судебных актов.

В последние годы наиболее распространенными формами злоупотребления правом в страховании в части имущественных видов выступают завышение стоимости жилых домов, непредставление транспортного средства на осмотр, использование псевдоаваркомов, таинственные повреждения машин, в части личных видов страхования - заведомо ложные сведения о состоянии здоровья; симулирование ожогов, травм. В качестве примера можно привести судебный спор по иску Стадника к ООО «СК «Согласие» о взыскании страхового возмещения за разукomплектацию машины в гараже. В процессе был установлен факт злоупотребления правом со стороны истца путем назначения судебной экспертизы с вопросом возможности проведения разукomплектации в условиях размеров гаража, истребования доказательств у официального дилера мерседес по проверке последующей установки тех же блоков после заявления об их похищении и продаже машины.

Следует отметить, что суды общей юрисдикции не всегда указывают на обстоятельства, которые надлежит доказывать сторонам, в соответствии с требованиями ст.56 ГПК РФ, ограничиваясь ролью независимого арбитра, однако такой подход не всегда способствует соблюдению сроков рассмотрения дела или возможности установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Ряд ученых-процессуалистов считает, что квалификация в качестве злоупотребления правом возможна, если действия способны причинять вред в объеме гражданско-правовой ответственности или иметь иную заведомую недобросовестность (злоупотребление правом и гражданско-правовыми обязанностями). Основываясь на такой позиции, в качестве наиболее эффективных процессуальных инструментов доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах можно выделить: заявление

встречного иска о недействительности договора страхования при установлении факта заведомо ложных сведений, установление недобросовестности экспертов, использование института отвода эксперта, заявление о подложности доказательств, использование института обеспечения доказательств (объявлений о продаже объекта страхования по иной стоимости), использование права на формулировку вопросов стороне, проверка факта искусственной подсудности.

Вышеперечисленные инструменты процессуального доказывания формируют некий стандарт. Действующее законодательство не содержит такого законодательного понятия. Считаю возможным использовать в практике споров зарубежный аналог такого определения. Например, из английского права, которое так различает стандарт доказывания в гражданском процессе: «баланс вероятностей», который не ограничен пределом; базируется на установленном факте; рассматривает заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав по всей цепочке от оферты до страхового события; другие случаи рассматриваются с точки зрения принципа добросовестности⁵².

Доктринальные исследования процессуалистов, анализ зарубежного законодательства и судебной практики позволяют сформулировать понятие механизма доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах, под которым можно понимать сложную цепочку юридически значимых процессуальных действий лиц, участвующих в деле (выбор формы разрешения спора, подача соответствующего заявления, иска, реализация всех процессуальных прав и выполнение обязанностей, включая заявление ходатайства о назначении судебной экспертизы (психологическая трасология, определения стоимости объекта страхования на момент заключения договора страхования и установления его характеристик), подачу встречного иска о признании недействительным или незаключенным) и другие, а также действия

---

⁵² Rusakova, E. P. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // *Advances in Intelligent Systems and Computing* (см. в книгах). – 2020. – Vol. 1100. – P. 665-673.

и решения суда по исследованию и оценке доказательств и принятию решений.

В заключение о предмете доказывания и распределении бремени доказывания в страховых спорах необходимо указать, что в целях процессуальной экономии времени судов и сторон предложено сформировать стандарт доказывания с четко определенным предметом доказывания и закреплением бремени доказывания каждой из сторон.

3.3. Влияние принципа наивысшей добросовестности на процесс доказывания в страховых спорах

Одной из обсуждаемых тенденций последних лет выступает вынужденное использование в качестве способа защиты страховщиком нарушенного права от недобросовестных страхователей, заинтересованных в фальсификации ситуаций с целью хищения денежных средств, института признания договора страхования недействительным.

28.06.2012 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей", которое распространило действие Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей" на страховые правоотношения. Судья Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотов обосновал в 2012 г. принятие указанного Постановления потребностью гармонизации законодательства после вступления России в ВТО⁵³, что являлось правильной концепцией для нашей страны. Анализ публикаций и правоприменительной практики за 2012 - 2013гг. позволяет сделать вывод, что указанный судебный акт побудил недобросовестных страхователей и мошенников использовать идеологию «защиты прав потребителей» в целях извлечения незаконной выгоды.

Однако научное сообщество оставило без должного внимания проблемы терминологического характера положений отдельных институтов главы 48 Гражданского кодекса РФ (сведения, предоставляемые страхователем при заключении договора и последствия представления заведомо ложных сведений (ст. 944 ГК РФ), право страховщика на оценку страхового риска (ст. 945 ГК РФ) и др.)). Вторым аспектом, требующим научной проработки, выступает другое явление – не сопоставимое с добросовестностью страховое мошенничество, препятствующее балансу прав и обязанностей сторон в страховании.

---

⁵³ URL:http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=8711

Попытка решения данных вопросов была реализована в Обзорах практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по разным видам страхования, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ (включая Обзор от 05.06.2019 г.). Соответственно, потребность единообразного подхода судами в рассмотрении этой категории дел была обозначена на высшем судебном уровне. Однако оценочность указанных категорий дел, правовая конструкция ст. 944 ГК РФ, неравное положение сторон, неприменение судами принципов добросовестности и недопустимости злоупотребления правом влияют на возможность защиты прав страховщика от действий недобросовестных страхователей и мошенников, скрывающихся под «маской» «слабого потребителя» до настоящего времени.

Вышеобозначенные аспекты повлекли потребность в переработке главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации с изложением концепции ее реформирования. Применительно к положениям ст. 944 ГК РФ предложено более четкое изложение сути информационных обязанностей страхователя и введения гибкой системы последствий неисполнения обязанностей по примеру Великобритании и Германии, которые будут обозначены ниже.

Итак, какая идеология легализована законодателем в РФ в действующей редакции ст. 944 ГК РФ, и в чем заключается правовая неопределенность?

Согласно п. 1 ст. 944 Гражданского кодекса Российской Федерации при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, существенные для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков (страхового риска), если эти обстоятельства неизвестны и не должны быть известны страховщику.

Положения п. 1 ст. 944 ГК РФ предусматривают императивность выполнения страхователем информационной обязанности для заключения договора страхования и построены на принципе добросовестности сторон правоотношений.

Доктринально изученный, но легально не закрепленный принцип *uberrima fides* является фундаментальным как для отрасли страхового права в целом, так и для процесса доказывания в страховых спорах. Особый алеаторный характер в отношениях сторон крайне зависим от их добросовестности на всех этапах осуществления обязательства: как возникновения, так и исполнения.

Примечательно, что «наиболее явно обязанность страхователя сотрудничать со страховщиком после наступления страхового случая проявляется в английском праве. В английской судебной практике подчеркивается, что принцип наивысшей добросовестности применяется не только к заключению договора, но и действиям, предпринимаемым в ходе его исполнения»⁵⁴.

Известная еще древним римлянам дефиниция «*bona fides*» (добрая совесть) зародилась в области исполнения обязательств, что обуславливает ее специфику в доктрине *uberrima fides*.

Принцип наивысшей добросовестности, являющийся ключевым для указанной доктрины и фундаментальным в страховых правоотношениях, является предметом исследования в рамках изучения принципов гражданского права.

Ю.Б. Фогельсон в своих трудах приходит к выводу, что "в страховании простой добросовестности недостаточно. Требования, которые предъявляют друг другу участники этих взаимоотношений, носят название *uberrima fides* - наивысшее доверие"⁵⁵.

Архипова А.Г. в одной из своих работ проводит исследование соотношений «принципа наивысшего доверия» и «принципа наивысшей добросовестности» на базе анализа доктринального содержания указанных принципов. Особая ценность в указанном исследовании представляет

---

⁵⁴ "Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования" (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020)

⁵⁵ Фогельсон Ю.Б. Введение в страховое право. 2-е изд. М.: БИК, 2001. С. 48

структурность анализа на базе исторического, зарубежного и судебного аспекта. Она акцентирует внимание на потребности в четкой классификации принципа добросовестности и принципа наивысшего доверия. Так, Архипова А.Г. делает вывод, что нормативное установление принципа наивысшей добросовестности для страховых правоотношений не требуется, ограничиваясь общим принципом, регламентированным в п. 3 ст. 10 ГК РФ и ст. 307 ГК РФ⁵⁶.

Е.А. Суханов при анализе принципа полагает, что он не превращает страховое обязательство в лично доверительную (фидуциарную) сделку, а лишь придает ей конфиденциальный характер⁵⁷.

Мнения ученых заслуживают внимания, однако требуют последующего анализа в условиях «текущего» момента, цифровой экономики, развития дистанционных сервисов и онлайн-правосудия.

Полагаю, что прототипом положений ст. 944 ГК РФ явилась доктрина наивысшего доверия сторон (*ulmost good faith*) и применяемый более 250 лет в Англии прецедент на базе дела «Картер против Бозма» (*Carter v. Boehm*). В конструкцию судебного решения входила аналогичная ст. 944 ГК РФ обязанность страхователя сообщать конкретные факты и в случае их утаивания - квалификации его действий как мошенничество, с признанием договора ничтожным.

В последующем в 1873 г. был окончательно сформулирован принцип *uberrima fides* (наивысшего доверия сторон, наивысшей добросовестности). [Francis Achampong *The International and Comparative Law Quarterly* Vol. 36, No. 2 (Apr., 1987), pp. 329].

Закон Великобритании 2012 г. (вступил в силу в 2015г.) дифференцировал страхователей по признаку «потребитель и коммерческая организация» и ввел гибкую систему последствий, сохранив императивность

---

⁵⁶ Архипова А.Г. доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. №4

⁵⁷ Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том II. Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Статут, 2011. С. 857

в разумной осторожности страхователя (*duty of fair presentation of the risk*), которая не исчерпывается ответами на вопросы страховщика⁵⁸.

Согласно Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020, «в зарубежных правовых порядках на страхователя возлагается обязанность раскрыть известные ему существенные обстоятельства о риске перед заключением договора страхования. В большинстве европейских правовых порядков преддоговорная информационная обязанность страхователя ограничивается предоставлением известных страхователю сведений в ответ на запрос страховщика (система вопросов). В Великобритании страхователи по коммерческим договорам страхования несут обязанность добросовестного раскрытия сведений о риске (*duty of fair presentation of the risk*), которая не исчерпывается ответами на вопросы страховщика. Страхователь будет считаться исполнившим обязанность по раскрытию, если он предоставил достаточно сведений о риске, чтобы побудить разумного страховщика принять дополнительные меры по изучению риска, и страхователь при этом злонамеренно не утаивает существенные обстоятельства».

Архипова А.Г. отмечает, что «авторы, исследующие вопросы страхового права, достаточно единодушны в том, что для страхового права важен некий принцип, называемый ими "принцип наивысшего доверия" или "принцип наивысшей добросовестности". Однако, когда дело доходит до содержания этого принципа, его конкретных проявлений и даже правильного названия, позиции авторов различаются»⁵⁹.

Суды осторожны в применении принципа наивысшей добросовестности, при том, что именно он способен решить проблему

---

⁵⁸ URL: <https://www.cii.co.uk/fact-files/law-and-regulation/recent-developments-in-insurance-contract-law/>

⁵⁹ Архипова А.Г. доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. №4

недопустимости злоупотребления правом и построить основу для существенного изменения правосознания граждан, искоренения коррупции, оздоровления морально-этического состояния общества.

При этом, как указывает Дождев Д.В., эта категория не получила большого распространения в судебной практике в целом, а не только в страховых отношениях⁶⁰.

Особый вид правоотношений в страховании обуславливает, по мнению Кузнецовой А.А., потребность в *uberrima fides* или наивысшем доверии⁶¹.

Дроздова Т.Ю, в свою очередь, указывает на связи в страховых правоотношениях с различными принципами организации таких отношений. Этот автор, подвергая сомнению фидуциарный или личностно-доверительный характер отношений между сторонами страховых дел, предлагает различать принцип «наивысшего доверия» и принцип «наивысшей добросовестности»⁶², что представляется наиболее обоснованным в части страховых правоотношений.

К другой группе ученых, которые делают акцент на морально-нравственном аспекте доверия, как компоненте указанного принципа, можно отнести Чукреева А.А., который обозначает двустороннеобязывающий характер страховых правоотношений, возникший из принципа наивысшего доверия, с одной стороны, определяя правовое последствие страховых отношений, как уплату страховой премии (взносов), и соответственно делая вывод о возникающем при этом обратном правоотношении – обязанности выплаты страхового возмещения при наступлении страхового случая⁶³.

Я поддерживаю вывод о распространении принципа наивысшей добросовестности на обе стороны страховых правоотношений на всех этапах взаимоотношений сторон, основываясь на толковании положений Закона РФ

---

⁶⁰ Дождев Д. В. Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип / Д. В. Дождев // Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2000. С. 103.

⁶¹ Кузнецова А.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 51–84

⁶² Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.

⁶³ Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 103

от 27.11.1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ» и положениях главы 48 ГК РФ. Нормы права, регламентирующие страховую деятельность, последовательно формулируя модели поведения для страхователя и страховщика в процессе осуществления обязательств, концептуально составлены на базе доктрины *uberrima fides*.

О необходимости применения общих положений о добросовестности и двустороннеобязывающем характере данных положений свидетельствует п. 22 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан", согласно которому участниками договора добровольного страхования имущества являются страховщик (страховая организация или общество взаимного страхования) как профессиональный участник рынка страховых услуг, действующий на основании лицензии, с одной стороны, и страхователь, выгодоприобретатель как потребители услуг, с другой стороны, которые должны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите своих прав и исполнении обязанностей (статья 1 ГК РФ). Если одна из сторон для получения необоснованных преимуществ при реализации прав и обязанностей, вытекающих из договора добровольного страхования, действует недобросовестно, то в отношении данной стороны применяются последствия, предусмотренные статьей 10 ГК РФ.

Так, положения п. 1 ст. 951 ГК РФ предусматривают, если страховая сумма, указанная в договоре страхования имущества или предпринимательского риска, превышает страховую стоимость, договор является ничтожным в той части страховой суммы, которая превышает страховую стоимость. Следовательно, в развитие положений ст.ст. 10, 307 ГК РФ законодатель предусматривал правовые последствия для страхователя, который нарушил принцип добросовестности и дал некие гарантии страховщику. Следует отметить, что суды длительное время использовали указанную норму в системной взаимосвязи с положениями ст. 945 ГК РФ с

оговоркой о том, что страховщик принимает на себя риск несоответствия страховой и действительной стоимости имущества, если не провел оценку, однако вправе доказывать, что он был умышленно введен в заблуждение относительно стоимости застрахованного имущества. Такой подход можно встретить и сейчас (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2021 по делу № 88-16046/21), и он соответствует позиции Чукреева А.А. в части обязанности страховщика руководствоваться указанным принципом при оценке риска.

Взаимосвязь ст. 945 ГК РФ рассматривается судами не только со ст. 951 ГК РФ, но также и со ст. 944 ГК РФ.

Обратимся к Постановлению Арбитражного суда Московского округа от 10.04.2018 N Ф05-2898/2018 по делу N А40-56621/2017. В указанном деле суд апелляционной инстанции, применяя положений ст.ст. 944, 945 ГК РФ, указал, что бремя истребования и сбора информации о риске лежит на страховщике, который должен нести риск последствий заключения договора без соответствующей проверки сведений. Соответственно, суд отказал страховщику в признании договора страхования недействительным по причине невыполнения требований ст. 945 ГК РФ, т.е. неосуществлении оценки риска по объекту страхования и последующей невозможности признания договора страхования недействительным. Суд кассационной инстанции исправил допущенную в толковании указанных норм ошибку и отменил незаконный судебный акт, указав, что страховщик исходил из презумпции добросовестности контрагента, а осуществление осмотра страхуемого имущества является правом, не обязанностью страховщика. Указание, что страховщик был вправе исходить из презумпции добросовестности контрагента, является отражением и признанием правоприменителем принципа наивысшей добросовестности в страховых правоотношениях.

Принципиально важным в толковании вышеуказанного примера для методик доказывания по спорам о недействительности является факт того, что

положения ст.ст. 944, 945 ГК РФ не создают конкуренции, поскольку право страховщика на оценку риска не порождает невозможности применения института защиты нарушенного права в виде признания договора страхования недействительным в связи с представлением заведомо ложных сведений. К сожалению, такой нюанс не всегда учитывается в судебных спорах.

Верховный Суд РФ подтверждает указанный вывод в одном из своих судебных актов и указывает, что проверка финансового состояния общества через официальные источники относится к субъективному праву компании, с реализацией которого применение пункта 3 статьи 944 Гражданского кодекса Российской Федерации не связано⁶⁴.

Другие авторы, например, Лукьяненко М.Ф., идет от обратного, раскрывая содержание принципа наивысшего доверия сторон, выводит принцип добросовестности, считая его сущностью конфиденциальный характер на страховые отношения вовлеченных в них сторон⁶⁵. Некоторые ученые (Аболонин В.О.) вообще рассматривают принцип как обычай делового оборота⁶⁶. Напротив, Шестало С.С. именует принцип как «принцип наивысшего доверия сторон»⁶⁷, опять терминологически возвращая исследователя к тождеству доверия и добросовестности, с чем в рамках данной работы я не соглашаюсь.

Щенникова Л.В., Журавлев Ю.М., в свою очередь, подчеркивают важность реализации принципа наивысшей добросовестности уже на примере перестраховочных отношений^{68, 69}.

Дефиниция добросовестности представляет собой характеристику поступков стороны отношений в страховании, связанная с ее желанием и

---

⁶⁴ Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2019 N 305-ЭС19-17890 по делу N А40-146788/2018

⁶⁵ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 187–188.

⁶⁶ Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы – Арбитражный и гражданский процесс. 2012. №№ 11, 12.

⁶⁷ Шестало С.С. Практика отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. – Вестник арбитражной практики. 2020. № 3(88). С. 64–74

⁶⁸ Щенникова Л.В. О некоторых проблемах гражданского права. Теория. Законодательство. Правоприменение. Краснодар, 2010. С. 11–29.

⁶⁹ Журавлев, Ю.М. Страхование и перестрахование : (Теория и практика) / Ю. М. Журавлев, И. Г. Секерж. М. : Изд. центр СО «Анкил», 1993. 184 с.

выстраиваемом поведением, по поводу организации своей деятельности в соответствии с законом. Наивысшее доверие, в свою очередь, не является поведенческим фактором деятельности стороны страхования, а только фактором отношения одной стороны страхования к другой стороне, по поводу именно полного доверия или ограниченного доверия, что характеризует не правовые, а морально-нравственные категории взаимоотношения сторон.

Обозначенные разные подходы ученых не находятся в плоскости разных терминологических дискуссий по доктрине *uberrima fides*, а основаны на споре в содержательной характеристике принципа наивысшей добросовестности в страховании.

Реализация принципа наивысшей добросовестности, в первую очередь, сбалансирована институтом недопустимости злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Несмотря на то, что кто-то указывает на соприродность этих понятий, я делаю вывод, что, имея единую идеологическую составляющую, указанные категории в страховых спорах представлены как презумпция и некие правовые последствия ее нарушения. Так, в качестве примера можно продемонстрировать положения ст. 944 ГК РФ, согласно которой, если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, указанных в пункте 1 указанной статьи, страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных пунктом 2 статьи 179 ГК РФ. Такой законодательный подход представляет собой не что иное, как реализацию принципа наивысшей добросовестности.

Из проведенного анализа вытекает вопрос: нужно ли доработать законодательство в части его законодательной фиксации и формулировки его содержания? Ответ очевиден – для страхования это принципиально важно, так как страховые споры обнажили проблему разного толкования судами положений ст. 10, 944 ГК РФ. Для страховых споров принцип наивысшей

добросовестности приобретает статус презумпции, равно как и принцип добросовестности имеет для страхования особое значение.

В случае несоблюдения установленных требований суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права, что в 2020–2021 гг. пока не нашло системного применения в России, но практика формируется из ключевых прецедентов с обоснованием модели недобросовестности стороны страхования.

Вышеизложенное показывает, что конституционное закрепление принципа добросовестности придает статус общеправового принципа, а также указания норм ГК РФ об осуществлении судом защиты гражданских прав в соответствии с принципом добросовестности, считаю, что есть основания для отнесения принципа наивысшей добросовестности к числу принципов и гражданско-процессуального права в целом, и обосновывает применением положений ст. 10 ГК РФ в страховых спорах.

Таким образом, принцип наивысшей добросовестности в страховании – это основной принцип взаимоотношений страховщика и страхователя. Страховые договоры требуют, чтобы их участники проявляли максимальную добросовестность при ведении дел друг с другом. Так, страхователь должен добросовестно извещать страховщика обо всех нюансах своего материального положения. Это крайне важно при принятии решения о заключении договора и определении его условий.

Принципиально важным является то, что судебная власть перестала избегать применения положений статьи 10 ГК РФ в случае установления фактов злоупотребления правом, определять обстоятельства, которые надлежит доказать сторонам для установления такого факта, выносить частные определения в случае фактов нарушения законности.

В такой ситуации сторона спора должна привести аргументы, которые подтвердят, что ее поведение не было направлено на злоупотребление своими правами. Однако в этом случае есть сложность установления добросовестности, так как отсутствуют четкие критерии должного поведения

в той или иной ситуации. В настоящий момент судебная практика активно занимается их формированием.

Как верно отмечает в своих трудах Беков Я.Х., с начала века в постановлениях судов в Российской Федерации начали присутствовать ссылки на статью 10 Гражданского кодекса РФ, касающиеся дел, сначала о недобросовестной конкуренции, а потом и о злоупотреблениях правом по различным направлениям, в том числе и о страховых спорах.

На текущий момент случаи прямого действия статьи 10 Гражданского кодекса РФ проявляются в ситуации правовой неопределенности ввиду отсутствия соответствующей специальной нормы права, которая регулировала бы возникший спор, а также ввиду неспособности в определенных случаях специально действующей нормы права качественно разрешить спор лишь на ее основе из-за своего юридического содержания (формализма, ошибок, пробелов, использованной юридической техники). Как верно указывает Волков А.В., «в системе норм гражданского права данная статья <10 Гражданского кодекса РФ> относится к высшей иерархии, так как отвечает за пресечение противосистемной эксплуатации норм права»⁷⁰. Говоря о злоупотреблении правом в страховых спорах, необходимо отметить, что сохраняющаяся тенденция роста страхового мошенничества может быть сглажена признанием возможности и расширением практики фактического самостоятельного применения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации при нарушении профессиональным недобросовестным страхователем под маской потребителя и слабой стороны основополагающего принципа наивысшей добросовестности.

Согласно мнению Архиповой А.Г., «обязанность по соблюдению добросовестности является обоюдной. Принцип добросовестности должен защищать и страховщика, если его контрагент по договору страхования ведет себя недобросовестно. Хотелось бы надеяться, что суды будут активно и

---

⁷⁰ Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва. 2010 // <https://www.dissercat.com/content/zloupotreblenie-grazhdanskimi-pravami-problemy-teorii-i-praktiki/read>

последовательно использовать принцип добросовестности при рассмотрении страховых споров. Применение этого принципа в качестве основного критерия оценки поведения сторон пошло бы на пользу всей страховой индустрии, позволив увеличить доверие сторон страховых отношений друг к другу»⁷¹.

Таким образом, влияние принципа наивысшего доверия в доказывании фактов злоупотребления правом играет серьезную роль, но автор придерживается позиции, что только доработка положений главы 48 ГК РФ в формате предложенной и утвержденной Концепции позволит дифференцировать правовые последствия по нарушению страхователем информационных обязанностей и сократить количество судебных споров, осложненных конструкциями злоупотребления правом. В объеме настоящего исследования приведены конкретные примеры судебных страховых споров последних лет, которые указывают на многогранность в подходе недобросовестных страхователей.

---

⁷¹ Архипова А.Г. Доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. N 4.

Заключение

Исследование вопросов доказывания форм злоупотреблением правом в страховых спорах в гражданском процессе РФ позволило провести анализ теорий и взглядов ученых на правовую дефиницию злоупотребления правом и на базе судебной практики сформировать модель доказывания. Многочисленные исследования ученых о сущности и признаках правовой категории злоупотребления правом, аккумулированные в объеме настоящей работы, безусловно свидетельствуют не столь об интересе ученых в постоянном исследовании этого правового явления, а в потребности доработки законодательных конструкций, которые до настоящего времени формируют два лагеря «широкого» и «узкого» понимания этой категории материального права. Автор сформулировал и придерживается позиции, что использование классической структуры нормы права: гипотеза, диспозиция, санкция, которая исключила бы выводы группы ученых об отрицании наличия легального понятия злоупотребления правом. Важность аспекта заключается в том, что целью правового регулирования является ясность воли законодателя для ее точного соблюдения всеми, если же на уровне мнения ученых существует полемика, введен ли законодателем указанный термин и объеме его содержания, то настоящее исследование должно обозначить потребность в доработке инструмента правового регулирования. С точки зрения процессуальной доктрины настоящая работа выступает основой для создания стандартов доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах, систематизирует знания о подходе правоприменителей по разным категориям споров. Автором обозначены проблемы доказательственного значения с учетом личного опыта участия в судебных процессах. Для страховых споров одной из острых проблем остается вопрос единообразного толкования судами положений ст.10 ГК РФ применительно к одним и тем же моделям злоупотреблений, оказании содействия в истребовании доказательств с сохранением статуса независимого арбитра и соблюдением принципов гражданского процесса.

Компенсаторная правоприменительная модель правового регулирования страховых правоотношений в части злоупотребления правом построена в последние годы на поиске баланса прав и законных интересов страхователя и страховщика. Диспозитивный характер страховых правоотношений предопределяет пределы осуществления прав и одновременно формирует область доказывания. Называя институт злоупотребления правом правовым инструментом, позволяющим в условиях несовершенства актуального правового регулирования и потребности реализации Концепции реформирования главы 48 ГК РФ выступать в качестве специальной нормы права для баланса прав и законных интересов страхователя и страховщика, автор полагает, что в объеме настоящего исследования такая идеология была доказательственно аргументирована.

Изучение форм злоупотребления правом в страховых спорах позволило выделить основные характеристики проявления и внешнего воплощения действий, а также провести анализ внутренней структуры и определенного порядка реализации уполномоченным субъектом своего субъективного права с детализацией актуальных времени и характеру правоотношений злоупотребления правом.

Ценностное значение настоящей работы обусловлено построением модели исследования на симбиозе научного, нормативного, правоприменительного материала, что создает предпосылки для выработки универсальных понятий, которые необходимы для достижения вышеуказанного баланса.

Предложенная автором идеология механизма доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах в виде сложной цепочки юридически значимых процессуальных действий лиц, участвующих в деле сконструирована для внедрения процессуальной защиты и прошла многочисленное применение автором в судебных процессах.

Проведенное исследование может стать основой для дальнейшего изучения теоретических и практических проблем гражданского процесса. С

учетом возможной доработки главы 48 ГК РФ представляется важным и полезным выработка рекомендаций по моделям доказывания с целью определения информационных обязанностей страхователя.

Список использованных источников

І.Нормативные правовые акты

- действующие:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Парламентская газета. - 29.01.2009. - № 4.
2. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ: принят Государственной Думой 18 декабря 2012 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года // Собрание законодательства РФ. - 31.12.2012. - № 53 (ч. 1).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // Российская газета. - 08.12.1994. - № 238-239.
4. Гражданский кодекс (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ: принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года // Собрание законодательства РФ. - 29.01.1996. - № 5. - Ст. 410. 14.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ: принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года; одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года // Российская газета. - № 256. - 31.12.2001.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: принят Государственной Думой 23 октября 2002 года; одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года // Собрание законодательства РФ. - 18.11.2002 - № 46. - Ст. 4532.
7. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ: принят Государственной Думой 8 июля 2006 года; одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года // Российская газета. - 23.07.2009.
8. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1992. - № 7. - Ст. 300.

II. Судебная практика, информационные письма, обзоры, правовые позиции высших судебных инстанций

9. Розенберг М. Арбитражная практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1998 г. по материалам решения МКАС при ТПП РФ от 22.10.1996/97.- М.: «Статут», 1999.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 N 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева»// СПС «Консультант Плюс».
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ, 1995, №18. Ст. 1708.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П // СПС «Консультант Плюс».
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края»// Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. №5.
14. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2020 N 88-3057/2020 Требование: «О взыскании задолженности по договору займа. Обстоятельства: Истец указал, что обязательства по договору не исполнены, долг не возвращен. Решение: В удовлетворении требования отказано»// СПС «Консультант Плюс».
15. Мусарский С.В. Обзор судебной практики применения норм о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) (полный анализ всей судебной практики за 1995 - 2011 годы) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.
16. Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. N 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».- Вестник ВАС РФ, 1996, №9.
17. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24.05.2021. // https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&ca

[se_id=18041661&case_uid=ace95eba-e3f5-4af9-9339-e5d6fbbb7cba&result=1&delo_id=5&new=5](https://www.consultant.ru/online/ce_id=18041661&case_uid=ace95eba-e3f5-4af9-9339-e5d6fbbb7cba&result=1&delo_id=5&new=5)

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2019 N 49-КГ19-37, 2-1883/2018.
19. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // СПС «Консультант-Плюс».
21. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с ОСАГО, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г., в редакции от 26 апреля 2017 г.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // СПС «Консультант-Плюс».
23. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" // СПС «Консультант-Плюс».
24. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.02.2019 N 305-ЭС18-18538 по делу N А40-191951/2017 // СПС «Консультант-Плюс».
25. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2018 N 09АП-23097/2018 по делу N А40-66454/15 // СПС «Консультант-Плюс» - продажа автомобиля в 5 раз ниже рыночной стоимости.
26. Определение Верховного Суда РФ от 19.03.2018 N 310-ЭС18-1077 по делу N А35-9145/2016 // СПС «Консультант-Плюс» - права требования на несколько миллионов проданы за 10 000 рублей;

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N27 "Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность" // СПС «Консультант-Плюс».
28. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 N Ф08-7426/2018 по делу N А01-1799/2015 // СПС «Консультант-Плюс».
29. Решение Балахнинского городского суда Нижегородской области от 15.02.2021 по делу N 2-48/2021.

III. Диссертации и авторефераты к ним

30. Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. Дисс. ... канд. юрид. наук / В.О. Аболонин. – Екатеринбург, 2008.
31. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отд. экономики и права. 1946. N 6.
32. Акишева Ж.Л. Гарантии реализации принципа независимости судей и подчинения их только закону в гражданском судопроизводстве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — М.К. Треушников. М., 1991.
33. Бекназар – Юзбашев Г.Т. Принцип доброй совести в гражданском праве Германии и России. Дисс. ... канд. юрид. наук. / Г.Т. Бекназар – Юзбашев. – Москва, 2010.
34. Белоножкин А.Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом. Дисс. ... к.ю.н. / А.Ю. Белоножкин. - Волгоград. 2005.
35. Борискина Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — Кудрявцева Е.В. М., 2020.

- 36.Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в гражданском, арбитражном процессах. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2005.
- 37.Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики. Дис. ... д.ю.н. / А.В. Волков. – Москва, 2010
- 38.Герасимова Е.С. Процессуальные особенности рассмотрения судом дел о признании забастовки незаконной. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — В.М. Шерстюк. М., 2002.
- 39.Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. / Я.В. Грель. - Новосибирск, 2006.
- 40.Деста З.В. Доказательства в гражданском процессе Эфиопии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — М.К. Треушников. М., 1994.
- 41.Долова М.О. Развитие науки гражданского процессуального права России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — Е.А. Борисова. М., 2017.
- 42.Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.
- 43.Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Дурново. - Н. Новгород, 2007.
- 44.Евтодьева И.А.. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — П.В. Логинов. М., 1983.
- 45.Емельянов В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству. Дис. на соискание ученой степени к.ю.н. / В.И. Емельянов.- Москва, 2001.
- 46.Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики). Дисс. ... канд. юрид. наук / С.Г. Зайцева. - Коломна, 2003.

47. Ибрагимова М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия. Дисс. ... к.ю.н. / М.В. Ибрагимова. – Рязань, 2005.
48. Ивлиев Р.Ю. Пределы осуществления прав акционеров: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007;
49. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
50. Избрехт П.А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности. Дисс. ... канд. юрид. наук / П.А. Избрехт. – Екатеринбург, 2005.
51. Иванов О.В. Объективная истина в советском гражданском процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — А.Ф. Клейнман. М., 1964.
52. Калпин А.Г. Письменные доказательства в судебной практике по гражданским делам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — А.Ф. Клейнман. М., 1966.
53. Кузнецов А.А. Злоупотребление правом в правоотношениях между акционером и акционерным обществом: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012.
54. Кудрявцева Е.В. Современная реформа английского гражданского процесса. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2008.
55. Лилуашвили Т.А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — А.Ф. Клейнман. М. 1961.
56. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2011.
57. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен. Дис. ... д.ю.н. / А.А. Малиновский. – Москва, 2009.

58. Молчанов В.В. Собрание доказательств в гражданском процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — М.К. Треушников. М., 1986.
59. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук / А.Е. Наумов. - Москва, 2010.
60. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности. Дисс. ... канд. юрид. наук / Е.А. Одегнал. - Ставрополь, 2009.
61. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020.
62. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. Дисс. ... канд. юрид. наук / О.А. Поротикова. - Саратов, 2002.
63. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. Дисс. ... канд. юрид. наук. / С.Д. Радченко. - Москва, 2007.
64. Сазанова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом: Дисс. ... канд. юрид. наук. / И.В. Сазанова. - Санкт-Петербург, 2010.
65. Салогубова Е.В. Основные гражданские процессуальные институты римского права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — М.К. Треушников. М., 1995.
66. Селиванова О.Ю. Субъективное право: сущность, строение, ценность: дис. ... к.ю.н. / О.Ю. Селиванова. - Н.Новгород, 2001.
67. Тимаева И.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях: вопросы квалификации, способы гражданско-правовой защиты: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
68. Токарев Д.А. Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: условия возникновения и способы защиты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010.
69. Треушников М.К. Допустимость доказательств в советском гражданском процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — А.А. Добровольский. М., 1973.

70. Черобедов С.С. Злоупотребление полномочиями по российскому уголовному праву. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук / С.С. Черобедов. - Москва, 2008.
71. Шерстюк В.М. Актуальные проблемы судебной защиты прав граждан по спорам с жилищно-строительными и дачно-строительными кооперативами. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — А.А. Добровольский. М., 1978.
72. Шишкин С.А. Состязательность в судебном механизме защиты гражданских прав. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель — М.К. Треушников. М., 1996.
73. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Дис. ... д.ю.н. А.В. Юдин. - Санкт-Петербург, 2009.
74. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. / Т.С. Яценко. - Ростов-на-Дону, 2001.

II. Монографии, диссертации, учебная литература

75. Аболонин В. Действительно ли злоупотребление правом - это употребление права во «зло»? // Арбитражный и гражданский процесс, 2009, №2.
76. Аболонин В.О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы – Арбитражный и гражданский процесс. 2012. №№ 11, 12.
77. Авдюков М.Г., Клейнман А.Ф., Треушников М.К. Основные черты буржуазного гражданского процессуального права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
78. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в современном гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6;

- 79.Адамович Г. Проблемы применения института злоупотребления правом в корпоративных отношениях // Хозяйство и право, 2005, №5.
- 80.Андреева Т.К. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Научн. ред.: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. М., 2018.
- 81.Аносов И. Злоупотребление доверием. - Репринтное воспроизведение издания 1915 г. М.
- 82.Алимов Р.Н. Конструкция "злоупотребления правом" как способ ограничения частного интереса // Интерес в частном и публичном праве.- М., 2002.
- 83.Апарникова Ц. М. Обеспечение полноты доказательственного материала к судебному разбирательству дела // Вопросы гражданского права, колхозного права и гражданского процесса.- М., 1958.
- 84.Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ивановская Н.В. [и др.].Разрешение финансовых споров в странах АТР : (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония) / – Москва : Инфотропик Медиа, 2019
- 85.Архипова А.Г. Доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. N 4.
- 86.Афанасьев С.Ф. Гражданское процессуальное право России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.
- 87.Афанасьев С.Ф. Гражданский процессуальный аспект юридических технологий, применяемых при безусловной отмене судебных решений // Юридические технологии в правовой политике. 2017. № 5. Саратов-Таганрог. 2017.
- 88.Афанасьев С.Ф., Малько А.В. Проект концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия как доктринальный документ // Государство и право. 2020, № 11.
- 89.Афанасьев С.Ф. Правовая политика в области доказывания и доказательств по гражданским делам в контексте применения новых цифровых технологий // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.

90. Бармина О.Н. К вопросу о злоупотреблении процессуальными правами в арбитражном процессе.- «Арбитражный и гражданский процесс», 2012, №10.
91. Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения.- М.: 1959.
92. Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве. М.: Волтерс Клувер, 2010.
93. Белов В.А. Перспективы развития общего понятия договора и принципа свободы договора в российском частном праве // Свобода договора: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2016
94. Белоножкин А.Ю. Преимущественное правовое положение субъектов гражданских правоотношений.- «Гражданское право», 2010, №4.
95. Белякова А.В. Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок: Монография. «Юстицинформ», 2016.
96. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. – М.: «Статут», 2019.
97. Болдинов Я.В. Недопущение злоупотребления правом как цель антимонопольного регулирования. – «Юрист», 2018, №8.
98. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности М., 1992.
99. Беков Я. Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве.- М.: «Волтерс Клувер», 2010.
100. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: общие положения. - М.: 2008.;
101. Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав (ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) // Правоведение. 1967. №3.
102. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. - М.: «Волтерс Клувер», 2009.

103. Ванеева Л. А. Понятие юридической обязанности по гражданскому процессуальному праву // Изв. вузов Правоведение. – 1984
104. Ванеева Л.А. «Судебное познание в советском гражданском процессе». Учебное пособие. Владивосток, 1972.
105. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 3;
106. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: АО "Центр ЮрИнфоР", 2002.
107. Веде Ю.В. Основные концепции злоупотребления процессуальными правами // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10.
108. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: «Омега-Л», 2004.
109. Витрянский В.В., Суханова Е.А. Об утрате гражданских прав // Основные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского.- М.: «Статут», 2010.
110. Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом): монография / А.В. Волков. – М.: «Волтерс Клувер», 2011.
111. Волков А.В. О совершенствовании статьи 10 Гражданского кодекса РФ// Законы России: опыт, анализ, практика, 2010, №5// СПС "КонсультантПлюс".
112. Ворожевич А.С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. – М.: «Статут», 2018.
113. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности / М., Статут, 2007.

114. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее / М., Городец, 2009.
115. Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективным правом / Г. А. Гаджиев // Государство и право, 2002, №7.
116. Гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. М. С. Шакарян. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
117. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав.- М.: «Статут», 2000.
118. Грибанов В.П. Правовая природа и социальное назначение принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.
119. Губарь А.С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом. «Вестник Пермского университета. Юридические науки», 2012, №4.
120. Гурвич М. А. Рецензия на книгу Пучинского В. К. «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» // Правоведение, 1964, №3.
121. Гурвич М.А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. №5.
122. Диденко А.Г. Договор в гражданском праве: проблемы теории и практика // Предприниматель и право, 2000, №12.
123. Клейнман А. Ф.Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права: Очерки по истории.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
124. Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип/Д. В. Дождев// Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В. С. Нерсисянца.— М.,2000.

125. Доманжо В.П. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения // В книге: Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Гарбиэля Феликсовича Шершеневича. – М.: «Статут», 2005.
126. Донецков Е.С. Соотношение запрета совершения антиконкурентных действий с запретом злоупотребления субъективным гражданским правом.- «Юрист», 2016, №20.
127. Евстигнеев Э.А. Правовая природа юридически значимых сообщений// СПС «КонсультантПлюс».
128. Егорова М.А. Злоупотребление доминирующим положением как частный случай злоупотребления правом.- «Lex russica», 2018, №4.
129. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс-Книга», 2002;
130. Жилин Г.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) — 7-е изд., перераб. и доп.- М., 2012.
131. Жуйков В.М. Судебная практика по гражданским делам.- М., 2007.
132. Журавлев, Ю.М. Страхование и перестрахование : (Теория и практика) / Ю. М. Жу- равлев, И. Г. Секерж. М. : Изд. центр СО «Анкил», 1993.
133. Зайков Д.Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах.- «Арбитражный и гражданский процесс», 2014, №9.
134. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом. К вопросу о соотношении слова и понятия.- «Юрист», 2002, №1.
135. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ "О свободе договора и ее пределах" // Вестник ВАС РФ. 2014. N 8.
136. Карасева И.А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право, 2013, №7.

137. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954.
138. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М., 1950.
139. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс. Учебник для правовых школ и юридических курсов. Государственное издательство "Советское законодательство", 1936.
140. Клейнман А. Ф. Некоторые теоретические вопросы учения об иске в советском гражданском процессе / Ученые труды. Выпуск 3. Саратов, 1969.
141. Коваленко А.Г., Мохов А.А., Филиппов П.М. Процессуальная обязанность - необходимость совершения действий субъектом гражданских процессуальных отношений (Гражданский процесс: учебник. 2-е изд. доп., перераб.- М.: Юридическая фирма «Контракт»; Издательский дом «ИНФРА-М», 2010 // СПС «Гарант».
142. Коваленко А.Г., Мохов А.А., Филиппов П.М. Гражданский процесс: учебник. 2-е изд. доп., перераб.- М.: Юридическая фирма «Контракт»; Издательский дом «ИНФРА-М», 2010.
143. Кодолов В.А., Бармина О.Н. К вопросу о структуре злоупотреблений правом.- «Российская юстиция», 2014, №2.
144. Колесников О.П. Пределы субъективных прав // Журнал российского права. 2007. №12.
145. Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. 2012. №3.
146. Корсик К.А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате.- М., 2018.
147. Крашенинников П.В. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации.- М., 2011.

148. Крашенинников П.В. Гражданское процессуальное право: учебник.- М. «Статут», 2020.
149. Кудрявцева Е.В. Судебное решение в английском гражданском процессе. М., 1998.
150. Кудрявцева Е.В. Гражданское судопроизводство Англии. М., 2008.
151. Кузнецова А.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006.
152. Курбатов А.Я. Злоупотребление правом: теория и правоприменительная практика// СПС «КонсультантПлюс», 2009.
153. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М.: «Статут», 2010.
154. Лукьянцев А., Яценко Т. Учет факта злоупотребления правом при применении гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности.- «Хозяйство и право», 2003, №8.
155. Макарова Н.А., Афанасьев С.Ф., О базовых концепциях ответственности государства, возникающей за причиненный вред (в аспекте связи с цивилистическим процессуальным механизмом) // Журнал «Вестник гражданского процесса», 2017, №1.
156. Малеин Н.С. Закон, ответственность и злоупотребление правом // Советское государство и право. 1991. N 11.
157. Малиновский А.А. Злоупотребление правом. – М.: «МЗ-Пресс», 2002.
158. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: «Юрист», 2005.
159. Малько А.В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А.В. Малько, В.В. Субочев, А.М Шериев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.

160. Матузов Н.И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. Саратов.: Изд. Саратовского университета, 1969.
161. Молчанов В.В. Допустимость доказательство в гражданском судопроизводстве // Законодательство, 2006. № 1.
162. Молчанов В.В. Свидетельский иммунитет в гражданском процессуальном праве // Правоведение, 2006. № 2.
163. Момотов В.В. Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях. «Мировой судья», 2017, №11.
164. Мусарский С.В. Обзор судебной практики применения норм о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) (полный анализ всей судебной практики за 1995 - 2011 годы), 2011.
165. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. // Вестник гражданского права, 2006, №1.
166. Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. О.Ю. Шиловцова.- М.: 2003.
167. Пискарев И.К. Образцы судебных документов. М., 2002.
168. Пискарев И.К., Молчанов В.В. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел: исковое производство.- М., 2011.
169. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998.
170. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права.- М., 2001.
171. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом.- М.: «Волтер Клувер», 2007.
172. Поротикова О.А., Поротиков А.И. Тенденция к ослаблению судебного контроля при утверждении мировых соглашений: укрепление свободы договора или ненадлежащая судебная защита гражданских прав? // Третейский суд. 2020. N ½.

173. Радченко С.Д. Понятие и сущность злоупотребления субъективным гражданским правом.- «Журнал российского права», 2005, №11.
174. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М.: «Волтерс Клуверс», 2010.
175. Решетникова И.В. Концепция подготовки дела к судебному разбирательству // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: Сб. науч. статей. Краснодар- СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
176. Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран.http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=65&mod=dis&dis_id=3293
177. Садиков О.Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право, 2002, №2.
178. Сазанова И.В. Об условиях применения запрета злоупотребления гражданским правом.- «Гражданское право», 2013, №2.
179. Салогубова Е.В. Римский гражданский процесс. Городец, 2018.
180. Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. «Статут», 2014.
181. Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право: Учебник (4-е издание).- М.: «Проспект», 1999.
182. Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право: Учебник: В 3 ч. / Под ред. А 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005.
183. Сергеев А.П. Гражданское право.- М.: 2008.
184. Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном понимании. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008.

185. Смышляев Л.П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. М., 1961.
186. Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т.2. Академия наук СССР институт философии. М.: «Мысль», 1988.
187. Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп.- М.: «БЕК», 2003.
188. Текаев Х.А. Злоупотребление правом. // Межвузовский сборник научных трудов «Проблемы реализации права». Свердловск, 1990.
189. Треушников М.К. Основные черты буржуазного гражданского процессуального права. М., 1978
190. Треушников М.К. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству — обязательная стадия гражданского процесса (методическое пособие). М., 1980
191. Токарев Д.А. Причины возникновения злоупотреблений правом в коммерческих организациях.- «Адвокат», 2010, №5.
192. Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. «ВА МВД России», 2009.
193. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. – М.: Норма: ИНФРА-М. 2012.
194. Черных И. И. Значение подготовки дела к судебному разбирательству // Новеллы гражданского процессуального права: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
195. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962.
196. Чукреев А.А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11.

197. Шабуров А.С. Поведение людей в правовой сфере. Правомерное поведение. Правонарушение. / Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова.-М.: 1998.
198. Шерстюк В. М. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде // Законодательство, 2004, №5, 6.
199. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014.
200. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом//СПС «КонсультантПлюс», 2010.
201. Юдин А.В. Имеют ли стороны "право на ложь" в гражданском процессе?- «Российская юстиция», 2006, №6.
202. Юдельсон К. С. Предварительная подготовка дела в советском гражданском процессе. — М.: Юрид.изд-во Мин-ва Юстиции., 1948.
203. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. — М.: Госюриздат, 1951.
204. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами а гражданском судопроизводстве. СПб, 2005.
205. Явич Л.С. Общая теория права. Ленинград: изд. Ленинградского университета, 1976.
206. Ярков В. В. К 100-летию со дня рождения профессора Карла Сергеевича Юдельсона // Арбитражный и гражданский процесс. — 2004. — № 12.
207. Ярков В.В. Оптимизация гражданского правосудия России /(С.Л.Дегтярев и др.); предисловие В.Ф.Яковлева;— М.: Волтерс Клувер, 2007.
208. Ярков В.В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий Определения Верховного Суда РФ

от 17 января 2017 г. № 36-КП6- 26) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5

209. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. - Ростов-н/Д., 2001.
210. Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность». – М.: «Статут», 2003.
- 211. Труды зарубежных правоведов (переводы), материалы зарубежного законодательства**
212. Бержель Жан-Луи. Общая теория права. - М.: NOTE BENE, 2000.
213. Гражданское Уложение Германии. Перевод с немецкого. 3-е изд. перераб. В. Бергманн. - М.: «Волтерс Клувер», 2008.
214. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015.
215. Дигесты Юстиниана / Пер. с латинского; Отв. Ред. Л.Л. Кофанов. – М.: «Статут», 2002.
216. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. - М.: Зерцало, 1997.
217. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т.1. М.: Международные отношения, 1998.
218. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права, Т. I, полутом 2. – М., ИЛ, 1950.
- 219. Труды по зарубежной истории и теории государства и права**
220. Основные начала российского и французского права / Ж.-С. Боргетти под ред. Г.А. Есакова, Н. Мазека, Ф.Мелэн-Сукраманьена. - М.: Проспект, 2012.
221. Юридические процедуры во французском праве: Российско-Французская Серия Учебных и Информационных Материалов № 29. Посольство Франции в Москве МИД: Французская Организация Технического Сотрудничества, 1994.

222. Монографии и комментарии на иностранном языке

223. Afanasyev S.F., Tokareva A.A., Potapenko E.G. Securing the information infrastructure of economic justice // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (EpSBS). (State and law in the context of modern challenges: International conference). 2022. Vol. 122. P. 7-13. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.01.2>
224. Brox H. Walker W-D. Allgemeiner Teil des BGB. München: Verlag Franz Vahlen München. 2011.
225. Frolova E.E., Ermakova E.P., Protopopova O.V. (2020). Consumer protection of digital financial services in Russia and abroad. Advances in Intelligent Systems and Computing. T. 1100 AISC. Pp.76-87.
226. Frolova E.E., Inshakova A.O., Dolinskaya V.V. (2019). The concept and legal framework for judging corporate conflicts on the financial market. "Conflict-Free" Socio-Economic Systems: Perspectives and Contradictions. Bingley, West Yorkshire, Pp. 101-108.
227. Ermakova E.P., Rusakova E.P., Sitkareva E.V., Frolova E.E. (2018). Main components of protecting consumers of financial products in Asian-oceanic (APAC) countries. International Journal of Engineering and Technology(UAE). T. 7. № 4.38. Pp. 157-162.
228. Inshakova A.O., Inshakova E.I., Deryugina T.V. (2020). Information technologies for the formation of the European space of freedom, security and justice.
229. Advances in Intelligent Systems and Computing. T. 1100 AISC. Pp. 444-453.
230. Kaufmann / Hassemer / Neumann. Schwerpunktbereich. Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart. / Müller C.F. Eine marke der verlagsguppe Huthing. Jehle Rehm Gmbh Heidelberg, Munchen, Landsberg, Frechen, Hamburg.
231. Malaurie Ph. Antologie de la juridique. 2. Paris, 2001
232. Ermakova, E. P. International Economic Integration and the Evolution of the Principles of Civil Procedure / E. P. Ermakova, E. E. Frolova, E. V. Sitkareva // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 198. – P. 1589-1597. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_175.

233. Rusakova, E. P. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // *Advances in Intelligent Systems and Computing* (см. в книгах). – 2020. – Vol. 1100. – P. 665-673.
234. Rusakova, E. P. Challenges of the Judicial Systems of the Russian Federation and People's Republic of China in the Era of the Pandemic / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, L. L. Arzumanova // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2021. – Vol. 198. – P. 1541-1549. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_170.
235. *Virgin Atlantic Airways Ltd v. Zodiac Seats UK Ltd*. [2013] UKSC 46, [26] per Lord Sumption
236. Sloan B. Proprietary Estoppel. Recent Developments in England and Wales // *Singapore Academy of Law Journal*. 2010. Vol. 22. P. 110.
237. Durkheim E. *De la division du travail*. P., 1893
238. Benabent A. *Rapport francais // La bonne foi*. Paris: Eitec, 1994. P. 291 – 293.
239. Ranieri F. *Treu und Glauben // Handwörterbuch des Europäischen Privatrechts*. Bd. II. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. S. 1498
240. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR)* / Ed. by Ch. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 3257 – 3262
241. *Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich*. Berlin: J. Guttentag, 1888. Bd. III. S. 3
242. Klein. *Die schuldhafte Parteihandlung*. - Wien, 1885.
243. *Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness* / ed. Taruffo M. 1999.P.109.
244. (1766) 97 ER 1162, at 1164 (Lord Mansfield CJ) (цит. по: Lowry J. Op. cit. P. 103).

245. Clarke M.A. Op. cit. P. 880 - 882, 887.
246. Tarr A.A., Tarr J.-A.R. Utmost Good Faith in Insurance: Reform Overdue? // Asia Pacific Law Review. 2002. Vol. 10. N 2
247. Houser D.G. Good Faith as a Matter of Law: The Insurance Company's Right to Be Wrong // Tort & Insurance Law Journal. 1991 - 1992. Vol. 27. P. 665.
248. Houser D.G. Good Faith as a Matter of Law: The Insurance Company's Right to Be Wrong // Tort & Insurance Law Journal. 1991 - 1992. Vol. 27. P. 665